

ДМИТРИЙ АГАЛАКОВ

Волжский роман

Ордынский волк. Самаркандский лев

Дмитрий Валентинович Агалаков
Ордынский волк.
Самаркандский лев
Серия «Волжский роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64765117

*Ордынский волк. Самаркандский лев : роман / Дмитрий Агалаков: Вече;
Москва; 2021*

ISBN 978-5-4484-8616-6

Аннотация

Новый роман Дмитрия Агалакова «Ордынский волк. Самаркандский лев» посвящен великому противостоянию двух гигантов Средневековья – грозного среднеазиатского завоевателя эмира Тимура и хана Золотой Орды Тохтамыша. Страшные по жестокости походы эмира Тимура оставляли за собой в Азии такие кладбища, какие не оставляли даже походы Чингисхана. Но если бы не фантастическая гордыня и преступная неблагодарность Тохтамыша по отношению к своему благодетелю, никогда бы правитель Мавераннахра не ворвался на территорию Золотой Орды и не уничтожил ее. Именно походы Амира Тимура, как его величали подданные, или Тамерлана, Железного Хромца, как его прозвали враги, против

вероломного хана Тохтамыша и открыли в будущем перспективу освобождения Руси от ненавистного татаро-монгольского ига.

Содержание

Предисловие	6
От автора	11
Пролог	14
Часть первая	32
Глава первая	32
Глава вторая	89
Глава третья	107
Глава четвертая	120
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Дмитрий Агалаков
Ордынский волк.
Самаркандский лев

Волжский
роман

Знак информационной продукции **12+**

© Агалаков Д.В., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

ООО «Издательство «Вече»

<http://www.veche.ru>

Предисловие

Один мудрый ученый написал: «Не пытайтесь учить детей любить Родину – познакомьте их с историей Родины, и они сами ее полюбят». И был прав.

Археологи считают, что со времен появления *Homo sapiens* (человека разумного) на территории Евразии насчитывается 50–60 тысяч лет. И все это время история человечества связана войнами между различными племенами и народами. Что поделаешь, но так устроен человек, и никакие религии, осуждающие кровопролитие, никакие гуманистические философские течения не могут разорвать порочный круг. История древности, Средневековья, Нового времени, нынешних дней – это в том числе история постоянных военных конфликтов.

За многие столетия о военных походах Амира Тимура написано столько, что эти сочинения уже составили обширнейшую библиотеку. Известный самарский писатель, краевед, историк Дмитрий Агалаков хорошо знает эту литературу. Именно на ее основании он и написал свой новый роман «Ордынский волк. Самаркандский лев» – о столкновении на просторах Евразии двух гигантов Средневековья: Амира Тимура и хана Тохтамыша. Мне как историку отрадно заметить, что Дмитрий Агалаков детально изучил первоисточники, научные статьи по истории государства Амира Тимура,

он хорошо знаком с археологией и отлично знает географию. И конечно, меня как читателя подкупает эмоциональная сторона его произведения. В романе он буквально срастается со своими героями, хотя эти персонажи в истории одного народа могут быть «белыми», а в истории другого – «черными». А все потому, что Дмитрий мысленно живет в той эпохе, которую описывает, уходит со своим героями в военные походы и наблюдает порой самые ужасающие картины, которые приносит война. Хочу заметить, что в его романе не только богатый литературный язык, но присутствует стиль изложения и характерное мировоззрение героев эпохи Чингизидов и Тимуридов.

У нас еще прежде произошел небольшой спор по поводу имени Амира Тимура. За пределами Узбекистана его часто называют Тамерланом – для узбека это оскорбительное имя национального героя и создателя нашего государства. Так его звали только враги – Железный хромец. Недавно президент Афганистана – без злого умысла, разумеется, – назвал Амира Тимура Тамерланом, и общественность Афганистана и Узбекистана попросила его извиниться. Об этом мы говорили с Дмитрием Агалаковым.

И тут он ответил мне именно как писатель. Объяснил все очень подробно и ясно.

Что одно дело – авторская речь, где сам автор романа умышленно называет своего героя оскорбительным именем, это, по его мнению, совершенно недопустимо, и другое де-

ло, когда его так называют литературные герои – враги Амира Тимура, от имени которых говорит или размышляет автор. Например, тот же хан Тохтамыш, люди из ордынского окружения хана, турецкий султан Баязид или мамлюкский султан Баркук, иранские шахи или русский князь Василий Дмитриевич – сын Дмитрия Донского, который в 1391 году был разбит вместе со своим государем Тохтамышем на самарской реке Кондурче, а через четыре года готовил к обороне Москву, потому что великий Амир Тимур уже подошел к Ельцу, на Рязанской земле, и сжег город. Не стоит забывать, что Русь к тому времени была северной окраиной Золотой Орды и платила ей дань. Разумеется, все эти люди, рано или поздно попавшие под меч Амира Тимура, не могли его жаловать. Они его смертельно боялись, и ненавидели, и пытались ужалить хотя бы одним обидным прозвищем. Одним словом, исторический труд – одно дело, а исторический роман – совсем другое, и строится он по своим законам. Тем более, как писатель и гражданин, Дмитрий патриот своей Родины – России, хорошо видно, как он переживает с князем Василием возможную будущую катастрофу, угрожающую Москве. И конечно, Дмитрий, как отметила вся делегация Узбекистана в ходе нашей беседы, патриот своего Самарского края.

Но по авторскому тексту хорошо видно, что, несмотря на всю грозность и порой беспощадность среднеазиатского владыки, для Дмитрия привлекателен образ Амира Тимура – и

как государственного деятеля, и как талантливейшего полководца. Потому что вместе с ним он пережил его детство, юность, тяжелейшие невзгоды, черное предательство и потерю близких – одним словом, все, что выпало на долю Тимур-бека из рода Барласов еще задолго до того, как он стал одним из величайших завоевателей в мировой истории. Как сказал мне Дмитрий: «Автор просто обязан полюбить и понять своего героя, чтобы получился роман, иначе не стоит за него и браться».

Почему же возникла война между ханом Тохтамышем и Амиром Тимуром? Когда еще Тохтамыш не был ханом Золотой Орды, а был беглецом, его принял у себя в Мавераннахре Амир Тимур. Принял буквально как сына. Он помог ему выжить, помог стать государем. Несколько раз Амир Тимур помогал Тохтамышу войсками и самыми лучшими полководцами, прежде чем тот стал ханом Золотой Орды. Неужели Амир Тимур ошибался насчет молодого Чингизида?

Неблагодарность Тохтамыша поражает воображение! Ведь Амир Тимур был опытным полководцем и государственным деятелем. Он смог за короткий период создать мощную государственную систему и самую могущественную в то время армию. Как может быть, что тут интуиция изменила ему? Почему «отец» из раза в раз был так великодушен, прощая любое предательство, а «сын» так настойчиво вероломен? Читатель сможет найти все ответы на эти вопросы в романе Дмитрия Агалакова «Ордынский волк. Самарканд-

ский лев». Читайте, размышляйте и ходите по следам великих полководцев Евразии!

И мир вашему дому!

Генеральный директор Государственного музея-заповедника Шахрисабз кандидат исторических наук Наби Олимович Хушваков

От автора

Эмир Тимур против хана Тохтамышша. Средняя Азия против Половецкого поля. Оседлая культура против кочевой.

Две битвы средневековых гигантов – на Волге в 1391 году и на Тереке в 1395-м – решили судьбу Евразии, а может быть, и всего мира. В каждой из этих битв было задействовано до полумиллиона человек с обеих сторон – только такие сражения и могут изменить ход цивилизации. Если бы не они, то главным государством на континенте была бы Золотая Орда и ее могущественные преемники.

Но прежде чем эмиру Тимуру стать владыкой Средней Азии, одним из величайших завоевателей всех времен и народов и получить от современников «звездное» имя Сахибкиран¹, а Тохтамышу добиться трона Золотой Орды, они прошли долгий путь. Первый был сыном простого бека², а второй – юным сыном казненного Урус-ханом правителя Мангышлака, изгнанником и беглецом, от которого отвернулись буквально все.

Первый мог сто раз погибнуть в междоусобицах, поразивших его родной Мавераннахр, второй – сто раз быть убитым

---

¹ Сахибкиран – «рожденный в счастливом сочетании планет» (Венеры и Солнца). Только так в «Зафар-наме» («Книга побед») его именует биограф Шараф ад-Дин Язди, работавший при дворе Шахруха, сына Амира Тимура.

² Бек – мелкий среднеазиатский аристократ из служилого сословия.

преследователями, желавшими от него избавиться. Ни того ни другого не случилось – не судьба! Впереди у каждого была долгая и насыщенная событиями и битвами жизнь.

Эта книга – история двух ярких людей Средневековья, которые десятилетиями, сами того не зная, двигались к одному из величайших военных конфликтов в истории человечества. Но как же сложно и увлекательно начиналась жизнь каждого из них – и Тимура, и Тохтамыша, как быстро и жадно они набирали силу, чтобы потом по праву занять те места, на которые вначале даже не претендовали. Потому что эти места по ходу развития пьесы, именуемой историей, им неожиданно открывало само провидение и каждый раз словно ободряюще говорило: «Действуй, и ты все получишь!»

А сколько испытаний прошли они!

Молодой Тимур-бек, чье государство прекратило свое существование и распалось на воюющие феодальные лагеря, увидел фортуны и стал упрямо создавать жестокий и прочный мир вокруг себя. Политическую выгоду для своего молодого государства он ставил на первое место, и когда его друг эмир Хусейн готов был ради своих честолюбивых планов пожертвовать спокойствием Мавераннахр, Тимур принес в жертву своего лучшего друга. И прибежавший к Тимуру за помощью юный Тохтамыш, еще один будущий любимчик фортуны, с помощью умудренного опытом старшего товарища стал поспешно и дерзко строить свою грозную империю. Политическим и военным ошибкам Тохтамыша не бу-

дет числа, он станет цинично предавать своего покровителя и год за годом глумиться над их дружбой. И тем не менее с завидной наглостью – отважно и смело – ордынской стрелой будет лететь вперед.

Оглядываясь на двух выдающихся людей той эпохи, задаешься главным вопросом: как бы сложилась судьба России, если бы не их появление на свет божий? Если бы не упорство и не военный гений Тимура и не беспринципная политика эгоистичного и самовлюбленного Тохтамыша? Молодой хан Золотой Орды, похожий повадками на степного волка, так долго кусал за хвост и лапы могучего льва, правителя Мавераннахра, что тот однажды рассвирепел и стер его обширное государство с лица земли. После смертоносных ударов Тимура Золотая Орда уже никогда не оправилась, в течение полувека она развалилась на ряд ханств, которые потом одно за другим еще двести лет добивало молодое Русское царство. Воистину, пути Господни неисповедимы.

*Александру Назарову,
исследователю жизни Амира Тимура,
с благодарностью посвящаю*

Пролог

Каменная плита

«...Вельми нежалостлив и зело немилостив, и лют мучитель, и зол гонитель, и жесток томитель».

Русский летописец XIV века о Тимуре

«В стране семисот черных токмак³ в год Овцы, в средний весенний месяц султан Турана Тимурбек шел с двумястами тысяч войска⁴, имени своего ради, по кровь Тохтамыша хана. Достигнув этой местности, он воздвиг этот курган, дабы он был знаком. Бог да окажет правосудие! Если Богу будет угодно! Бог да окажет милосердие людям! Да вспомнит о нас с благословением!»

Знаменитая надпись Тимура, выбитая на камне во время похода на Тохтамыша весной 1391 года. Хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге

«Жестокий век, жестокие сердца...»

Уильям Шекспир

---

³ Токмаки – одно из кочевых племен кыпчакских степей.

⁴ Некоторые исследователи доказывают, что у Тимура в этом походе было 300 тысяч воинов, но мы остановимся на более скромной цифре в 200 тысяч.

В апреле 1391 года двухсоттысячное войско самаркандского правителя Тимура вяло тянулось через Голодную степь⁵. Великие просторы открывались вокруг, но они совсем не радовали глаз полководца и наводили смертную тоску на его отважных бахадуров, воинов-чагатаев, сердцам которых были так привычны зеленые сады Мавераннахра⁶, полные фруктов, журчание домашних источников, широкие разливы Амударьи, обильные зеленые пастбища для быстрых коней. Тут же повсюду была голая земля, покрытая, как язвами, солончаками, и даже благословенной весной, когда вся природа оживает по милости Божьей, эта земля казалась безжизненной и сулящей путнику только одно – пытку и смерть.

Но гнев полководца был сильнее любых препятствий, и сдержать его было невозможно, как подступающую грозу, полную сверкающих молний. Человеческая неблагодарность и высокомерная заносчивость, беззаботная глупость и алчность некогда близкого человека больно ранили сердце правителя Мавераннахра. Эта рана не заживала – она кровоточила ежечасно уже много лет. Однажды к Тимуру в Самарканд прилетел юный хан Тохтамыш из рода Чингизидов. Его

---

⁵ Голодная степь – глинисто-солончаковая пустыня в Средней Азии, в районе Сырдарьи.

⁶ Мавераннахр – по-арабски дословно «То, что за рекой», т. е. Амударьей, или просто «Заречье». Так в эпоху Арабского халифата называли земли к востоку от Амударьи до восточных окраин Чимкентской области нынешнего Казахстана.

отца, Туй-Ходжи, правителя Мангышлака⁷, убил за неповиновение могущественный Урус-хан, деспотичный властитель Золотой Орды. Печальная судьба ожидала и любимого сына и наследника Туй-Ходжи – Тохтамыша. Юнец бежал на восток – в Мавераннахр. Тимур принял его с любовью и почетом, как Чингизида, которых оставалось все меньше из-за страшной междоусобицы среди потомков величайшего завоевателя всех времен и народов. Вот уже пятнадцать лет подряд, ежегодно, они вырезали друг друга целыми кланами в Сарае и его провинциях. Тимур давал мальчишке одно войско за другим, чтобы юный царевич отомстил за отца и отвоевал свое место под солнцем, но всякий раз юнец возвращался побитым, как собака, и вновь просил о помощи.

И вновь получал ее – и жадно бросался в битву.

Да, Тимур имел свои планы на беспокойного царевича Тохтамыша. Все дело было в том, что род Чингисхана так истощал в кровопролитных братоубийственных войнах, что мало кому известный царевич из Мангышлака получил законное право на трон Золотой Орды. Кто бы мог себе такое представить еще полвека назад, когда правил могущественный Узбек-хан, распространивший ислам по всему своему государству? Тимур не был Чингизидом и сам не имел права стать ханом. Посадив на трон Тохтамыша, пылкого мальчишку, он смог бы управлять им по своему усмотрению. Именно так в прежние времена эмиры Мавераннахра управ-

---

⁷ Мангышлак – полуостров на восточном побережье Каспийского моря.

ляли своими безвольными ставленниками из рода Чингисхана. Но со временем появилось и другое в отношениях между Тимуром и Тохтамышем. Дело в том, что совсем недавно Тимур потерял любимого старшего сына Джахангира, который должен был однажды занять отцовский трон. А Тохтамыш в то же самое время потерял любимого отца. Джахангир и Тохтамыш были практически ровесниками. И Тимур по-отцовски привязался к молодому Оглану (царевич из рода Чингисхана. – *Авт.*). Правитель Мавераннахра занял место наставника в жизни осиротевшего Тохтамыша и просто стал ему родным человеком. Так казалось Тимуру! Ведь Тохтамыш охотно соглашался с ролью благодарного сына. А теперь поди и пойми – от чистого ли сердца?

Судьба благоволила им обоим. Урус-хан сошел с исторической сцены – навоевался и умер своей смертью. Устранив других претендентов, Тимур сделал Тохтамыша ханом Золотой Орды. Молодой правитель, рвавшийся на этот трон, быстро освоился на своем месте, с помощью русских князей расправился с грозным темником Мамаем⁸, затем страшно и беспощадно покарал русичей за неуплату дани – сжег дотла Москву⁹, а потом обратил свой взор на Чагатайский улус, частью которого и был Мавераннахр со столицей в Самарканде. Неблагодарный мальчишка, еще вчера – голодный и злой волчонок, укусил благодетеля за руку. И не просто укусил –

---

⁸ Речь идет о Куликовской битве 1380 года.

⁹ Печально известный поход Тохтамыша на Москву 1382 года.

вырвал клоч с мясом! Он прошел через Дербент и Ширван и захватил Табриз, который номинально подчинялся Тимуру. Сам Тимур не остался в долгу: в предупреждение наглечу захватил все Закавказье, присоединив его к своему молодому государству. Но спустя три года Тохтамыш ударил по самому Мавераннахру – осадил Бухару, пока Тимура не было дома. Тот воевал в Иране и ушел очень далеко – до Шираза! Ордынский царевич разом превратился в кровожадного степного волка и стал, подобно голодному зверю, терзать родные земли Тимура, которые тот объединил своей силой и давно считал безраздельно своими. А увидев, что Тимура теснят, против него восстали его старые враги в Могулистане и Хорезме. Медлить было нельзя – враги должны были понести самое тяжкое наказание, чтобы впредь неповадно было бунтовать. И они понесли его! И только мятущемуся Тохтамышу эмир Тимур с завидной щедростью, как отец – взбалмошному сыну, прощал все его проступки. За оскорбительные набеги платили воины Тохтамыша, которых могучий лев, правитель Мавераннахра, едва появляясь на своей территории, разбрасывал лапами, но не сам хан. Тимур написал ему письмо, в котором пытался образумить молодого хана, воззвать к его совести. Тщетно! Дерзкий Тохтамыш, забывший добро, оказывается, решил либо поставить на колени, либо уничтожить своего благодетеля.

Так начиналась великая война на просторах Евразии – до тех пор самая великая из войн на этой территории.

В январе 1391 года войско эмира Тимура вышло из Ташкента и двинулось на восток. Двести тысяч всадников. Десятки тысяч жен бахадуров в обозе. Сто тысяч повозок. Более полумиллиона коней. Эта грозная туча из людей и животных не могла остаться незамеченной врагами Тимура. Куда двинулся правитель Мавераннахр? На кого такой громадой? Все уже знали: он пошел наказывать неразумного «сына» – хана Тохтамыша.

Когда Тимур остановился в местности Кара Саман, близ Отрара, из-за проливных дождей, туда прибыли послы Тохтамыша. От лица хана они пытались заговорить его, обещая дружбу и мир, но тщетно – Тимур больше не желал пустых слов, противоречащих делам.

21 февраля 1391 года Тимур собрал курултай¹⁰. Это было обязательно, ведь противник просил мира. И послы повторили просьбу своего хана. Но курултай решил идти войной на неблагодарного и вероломного Тохтамыша. Ордынских послов не отпустили – решили взять с собой.

И тут встал вопрос, какой дорогой идти на Тохтамыша. Пути было только два – в обход Аральского моря, но с запада или с востока? Тохтамыш будет его ждать на западном пути. Но найдет ли там Тимур пищу для великого войска? Прокормить двести тысяч солдат с обозом и полмиллиона коней? Хорезм лежал в развалинах после его недавних завоева-

---

¹⁰ Курултай – съезд монгольских и тюркских князей, на котором принимались судьбоносные решения о войне и мире.

тельных походов, когда Тимур мстил своим врагам; Ургенч был уничтожен, все население переведено в Самарканд. А за Тохтамышем простиралось обильное провиантом и пастбищами Нижнее Поволжье. Войскам Тимура, измотанным продолжительным походом, придется сражаться с полными сил и готовыми к битве золотоордынцами.

А если ему пойти по восточной стороне? Это разом собьет Тохтамыш с толку. Как же он занервничает, когда не увидит подступающего к нему по западным дорогам противника! Вот когда беспокойно забьется сердце подлеца! Вот когда он пошлет разведчиков во все страны света: где коварный хромец Тимур? Вот когда молодой хан, потеряв покой и сон, будет думать днем и ночью: а куда же ему двинуть свою громаду войска, – которая не меньше, если не больше армии Тимура, да еще с гигантским обозом, – чтобы не оказаться в западне?

Все было решено. И для этого эмиру Тимуру не понадобилось мнение курултая. Такие решения полководец принимает единолично – в считанные минуты. Это подобно озарению...

Тимур придумал удивительный и опасный ход – сделать гигантский крюк через восточные области Средней Азии и, на какое-то время дав потерять себя, неожиданно выйти к Тохтамышу в тыл. Именно весной его войско должно было оказаться в обширной Голодной степи, когда появляется хоть какая-то зелень, способная прокормить лошадей. Пото-

му что зимой в этой степи можно только замерзнуть, а летом, когда зелень иссыхает под палящим солнцем, самому превратиться в испепеленную головешку. А потом, в предгорьях Улытау, на родине монголов, они попадут на лучшие пастбища на земле! Наберутся сил! Но теперь червь сомнения съедал его изнутри. Сидя в седле и глядя на скорбные лица воинов, не боявшихся врага, но готовых подчиниться голоду и жажде, он думал: а прав ли был? Позволит ли Бог свершиться его плану или накажет за чрезмерную самоуверенность и гордыню?

Море людей двигалось мимо него, окруженного охраной и полководцами. Десятки тысяч голосов перекликались друг с другом, а еще ржание лошадей и перестук копыт, скрип тысяч повозок – все это сливалось в невероятный гул, от которого дрожала и гудела грозным ульем сама земля. Одетый по-походному просто, в теплой войлочной куртке и шапке с соболиным хвостом, в шароварах и сапогах, с кривым мечом на боку, он смотрел на бескрайнее людское море и думал о том, сколь же долго будет их терпение.

К нему направил коня первый из друзей и полководцев – эмир Хаджи Сайф ад-Дин. Теперь они оба молчком смотрели на великую армию.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – спросил наконец Тимур.

Хаджи Сайф ад-Дин кивнул:

– Уверен, что да. Но я не смею заговорить первым. Так о

чем думаешь ты, мой повелитель?

– Когда же закончится эта проклятая Аллахом земля, когда истощится адский солончак...

Они обозревали великие пространства Голодной степи, по которой тащилась изнуренная армия Тимура.

– Все так, – кивнул Хаджи Сайф ад-Дин. – Я хотел сообщить тебе, что еды в армии почти не осталось, коровы и овцы съедены, вяленое мясо тоже, лошади общипали всю молодую траву, но воины траву есть не будут. А нам их надо поскорее накормить. В день солдату достается лишь одна плошка мучной похлебки. Через пару дней, мой повелитель, если не падут кони, то люди станут валиться из седел. Они не ропщут только потому, что они солдаты и верны тебе, как небесам. Твоя армия на краю гибели, мой повелитель. И если так будет дальше, в страну кипчаков¹¹ мы приведем только призраков.

Со стороны головы войска к ним летели три всадника. Скоро они были перед Тимуром. Спрыгнули с коней, встали на одно колено. Это были командиры разведчиков.

– Поднимитесь, – сказал полководец.

Воины встали. Лица их пылали от скачки, но они сияли.

– Говори, Аюк-мурза, – приказал Тимур.

– В двух переходах отсюда есть река, мой повелитель, называется Сарысу¹². Она полноводна, тянется в обе стороны

---

¹¹ Страна кипчаков – территория Золотой Орды.

¹² Сарысу – река в Карагандинской, Кызылординской и Южно-Казахстанской

света и сможет напоить всю армию. Но главное, слава Аллаху, то, что за ней кончается Голодная степь. Мы поймали двух рыбаков. Они сказали, что в тех степях, ближе к северным горам, пасутся дикие козы, сайгаки и олени, – он торопился сообщить радостную весть, – что там, как кузнечики, прыгают зайцы и по хлопку взлетают из высокой травы куropатки! Там другой мир, повелитель!

«Охота! – воскликнул один из вельмож Тимура. – Долгожданная охота, слава Аллаху!» Тимур слушал и улыбался. «Вот уж мы погоняем дичь по тем землям!» – подхватил другой вельможа.

– Нужно как можно скорее преодолеть эту реку, – сказал Тимур. – Приказываю вам немедленно разойтись по своим туменам и ободрить моих бахадуров. Вдохните в них надежду, скажите, что рядом вода, а за ней будет пища. – Он повысил голос: – Спешите, летите, неситесь во весь опор! Моя армия должна знать, что спасение близко и оно в ее руках. Пусть повторяют имя Господа, и благословение сойдет на них!

Через сутки армия Тимура приблизилась к реке Сарысу. Солдаты, точно звери во время засухи, тысячами вставляли на четвереньки, черпали воду ладонями, а кто-то припадал губами к воде – и все жадно пили чистую речную воду. Рядом не менее жадно пили их кони – боевые и вьючные. Потом воины нашли броды и стали сотнями и тысячами пере-

ходить на другой берег. За сутки переход был совершен, и армия оказалась на другой земле. Тут все еще были солончаки, но трава казалась зеленее и даже небо за этой степной рекой было светлее и солнце сияло приветнее. Словно, перешагнув заветную реку, они попали из царства тьмы в страну живых. А еще через сутки земля стала меняться на глазах. Кони жадно потянулись к свежей густой траве. Где-то впереди войска, приближающегося черной гудящей стеной, испуганные великим движением, вспархивали и улетали птицы, прочь убегали стада диких животных.

Тимур и его окружение ехали рядом с головным отрядом войска.

– Вот она, благословенная земля! – сказал Хаджи Сайф ад-Дин. – Мы ждали ее, мы молились, и Аллах дал нам ее! – Он посмотрел на своего друга и повелителя, но тот, кажется, не разделял его радости. – Что с тобой, Тимур?

– Она ускользает от нас, эта земля, – молвил полководец.

И впрямь, от дрожи земли и гула приближающейся армии взлетали все окрестные птицы, бросая даже яйца и своих кричащих птенцов, и улетали на север. За много переходов стада оленей и лосей, сайгаков и коз, тревожно глядя на юг и видя ползущую из южных степей живую черную стену, бросали родные пастбища и тоже уносились прочь. Отряды охотников, самых ловких бахадуров-лучников, летели впереди войска, настигали добычу, но армии доставались только жалкие крохи. И тысячную долю своих солдат не смог бы на-

кормить Тимур этой добычей. Им нужно было все, что могла подарить эта земля! И как можно скорее! Только так истощенная армия могла утолить голод.

Прошел еще день пути.

Заря окрасила степь. Пронзительная утренняя свежесть и аромат сотен весенних трав и цветов наполняли округу. Десятки тысяч дымков поднимались от костров в небо. Тимур стоял у своего шатра. Вокруг была расставлена охрана.

– Позовите ко мне Хаджи Сайф ад-Дина, – приказал он.

Охрана засуетилась. Из соседнего шатра, откинув полог, вышел другой воин. Это был Хаджи Сайф ад-Дин. Поспешно надевая куртку, он подошел к владыке.

– Да, Тимур?

– Далеко впереди горы Улытау, – сказал тот своему полководцу. – Священная земля Чингизидов. И вот мое изголодавшееся войско, простого эмира из Кеша, стоит у этих пределов...

Он был прав – перед ними открывалась священная земля потомков Чингисхана. Там, впереди, в мавзолее был похоронен великий Джучи, создавший гигантский улус, откуда, собрав войско, начинал свой завоевательный поход его сын хан Батый.

– Но мы не войдем в пределы священной земли изголодавшимися бродягами, – добавил Тимур. – Клянусь тебе.

– И кто же накормит нас? – удивился Хаджи Сайф ад-Дин и нарочито хитро прищурил глаза. – Сколько бы мы ни вы-

сылали вперед охотников, этого мало. Звери за много йига-
чей¹³ пути слышат нас и убегают на север. И птицы летят ту-
да же. Разве что выпадет манна небесная? Я не понимаю те-
бя, Тимур...

– Я накормлю вас во славу Аллаха, – ответил правитель
Мавераннахра. – Нас двести тысяч, мой друг. Сегодня на
рассвете мы устроим охоту!

– Охоту? – нахмурился его полководец. – О чем ты? Мы
будем преследовать стада сайгаков? Гнаться за ними, как за
проклятыми кипчаками?

– Нет! Мы охватим всю их землю! – сказал Тимур. – Мы
устроим большую охоту, мой верный Сайф ад-Дин! Мы раз-
делим все наше войско на две части. И не разрывая сцепки
здесь, – он ткнул пальцем в землю, – мы разойдемся по кругу
на две стороны света, и так широко, чтобы мои воины встре-
тились ровно через трое суток, в тридцати йигацах от это-
го места. В предгорьях Улытау! Я накормлю вас, накормлю
со своей руки. – Довольный, он уже смеялся, а потом кив-
нул вперед: – Через трое суток эта степь станет щедрой ла-
донью нашего Господа, всегда готового помочь своим истин-
ным любящим детям!

Так началась самая великая охота в истории человече-
ства...

Утром 3 мая 1391 года двести тысяч бахадуров эмира Ти-
мура, оставив позади обоз, разделились на два рукава и ста-

---

¹³ Йигач – приблизительно шесть километров.

ли расходиться в стороны. Трое суток они плотными отрядами растекались по округе, глядя на убегающих от них животных. И всякий раз делали так, чтобы те отступали от них в центр круга. Через трое суток вожатые двух отрядов увидели издалека друг друга. Огласив округу радостным кличем, армия соединилась, круг замкнулся. Это было самое гигантское живое кольцо, бравшее в осаду кого бы то ни было, и оно охватило сотни квадратных километров. А потом кольцо стало сжиматься. Олени и лоси, сайгаки и зайцы пугливо бросались от лучников и неслись по степным просторам, не зная, что от одного охотника бегут к другому. Изголодавшаяся армия уже понимала, что добыча будет велика. Птицы вспархивали из молодой травы и сразу получали десятки стрел. Животных били целыми табунами, и скоро стало ясно, что запас животных превосходит возможность употребить их в пищу. Еще несколько дней назад армия Тимура ела подножный корм, а теперь она же отпускала молодых оленей, лосей и сайгаков на волю, давала им уйти и била только самых жирных и крупных животных. Когда еще через сутки кольцо сжалось, все пространство было покрыто окровавленными трупами крупных оленей и гигантских степных лосей. Чагатаи прежде не знали этих животных с раскидистыми рогами – вот была невидаль! Туши разделявали, мясо жарили на кострах, варили в казанках, делали из него про запас солонину. В течение нескольких дней армия была накормлена и готова двигаться дальше.

– Я же сказал вам, – перед своими полководцами произнес эмир Тимур. – Эта земля станет щедрой ладонью нашего Господа, всегда готового помочь своим истинным любящим детям! Нам помогла древняя монгольская степь!

Гений Тимура вовлек его воинов в опасное предприятие, едва не заставил погибнуть от голода, и он же спас и накормил их и в который раз вдохнул в их сердца волю идти вперед и побеждать.

Вскоре растянувшееся на десятки километров войско подошло к предгорьям Улытау. С великим почтением воины-узбеки Тимура тысячами проезжали мимо каменного мавзолея Джучи-хана, основателя империи, против которой они теперь шли. Тимур не собирался мстить народам Золотой Орды, подвластным Тохтамышу, его интересовала только победа на поле боя над молодчиком-подлецом.

Наконец, в его планах было управлять этими народами.

– Скажите своим воинам, – приказал он полководцам, – я повелеваю каждому взять камень и положить его там, где из земли бьет родник. – Он указал на это место. – Никто не должен ослушаться моего приказа, и никто не должен положить два камня. Каждый отвечает только за себя.

Через двое суток в том месте, где был родник, вырос обширный каменный курган в несколько человеческих ростов. Последние тысячи солдат Тимура уже бросали эти камни на вершину пирамиды, но большинство из них все равно скашивалось вниз. Буквально на глазах вырос обелиск его, Ти-

мура, мощи.

— Эта гора останется на века, — сказал Тимур. — И наши грозные потомки будут приходить к ней, склонять колени и вспоминать своих великих дедов. А мы, преисполненные радости, со звезд будем смотреть на них. Так будет — я верю в это.

Но он должен был оставить и другую память о себе. Господь дал человеку в помощь слово, и он воспользуется этой помощью. По этим степям будут проходить люди, думал он, целые народы, и вспоминать о нем, завоевателе, если не добрым словом, то с величайшим почтением и трепетом.

— Позовите ко мне всех писцов, что есть в моей армии, — приказал он.

И вскоре перед ним стояло около десятка самых грамотных узбеков, владевших арабским и фарси, индийским и китайским и, конечно, уйгурским и чагатайским. Тимур, окруженный охраной, сидел около шатра и пил чай из большой пиалы. Рядом текла неширокая речушка с прозрачной водой, под гладью которой разлеталась плотва. Речушка тянулась далеко на север, куда им предстояло идти, и брала начало, как видно, в горах Улытау, из чистых родников. Невысокой темной полосой эти горы читались впереди.

Полководец встал и, припадая на правую ногу, прошелся мимо своих писцов. Ковыляя, он добрел до берега речки. Как чиста и прозрачна была она! Тут, среди ковыльных степей и такой вот чистой воды, обитали его предки. Долги-

ми поколениями они жили здесь, молились своим богам и были счастливы. Пока однажды не пришел Чингисхан и не увлек свой народ в самый великий поход! И он, Тимур, был частью этого похода, его продолжением! Он положил руку на меч. Текст, произнесенный им, должен быть подобен разящей стали, способной рассечь любую броню. И подобно этой чистой реке, его слова должны были исцелить жажду того, кто взором устремлен к истине и Богу. Его должны были услышать те поколения, которые пойдут следом. Не осудить – понять!

– Записывайте, – громко сказал Тимур.

Писцы тотчас поспешно подошли и расселись вокруг повелителя. Достали дощечки, кисти и чернила.

И Тимур произнес первые слова легендарной надписи, которая, как он и хотел, останется на столетия среди людей и будет передаваема из уст в уста:

– «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Владыка сущего, Святилище истины, Неусыпный защитник, Всесильный и всемогущий, Премудрый даритель жизни и смерти! – В нем говорили и ум, и сердце одновременно. Этот текст должен был отразить то, что он хотел высказать уже не первый год, пылая мщением и жаждой справедливости. – Лета семьсот девяносто третьего, в средний месяц весны года овцы султан Турана Тимур-бек поднялся с двумя сотнями тысяч войска за ислам на болгарского хана Токтамыш-хана... – Он оглянулся на курган из камней. Как же он радовал его глаз!

Гора, против которой никто не сдюжит. — Достигнув этой местности, он возвел курган, чтобы память осталась о нем и его храбрых воинах! Даст Бог, Господь да свершит правосудие! — Воистину, его душа и разум ткали эти строки и сам Аллах благоволил им. — Господь да окажет милость людям страны! Да помянут они нас молитвой!»

Записав изречение, писцы опустили свои кисти и перья и не сводили взглядов с владыки.

— Хочу, чтобы эта надпись была выбита на большом камне, найдите такой, и пусть она будет на двух языках: арабском, языке пророка Мухаммеда, и на уйгурском, языке чагатаев, моем родном языке. Да будет так.

Войско уже двигалось вперед, на север, когда был найден камень, похожий на раскрытую книгу. Тимуру сказали о том, и он сам подъехал посмотреть на него.

— Да, — сказал он. — Пока эта книга пуста, но слова уже рождены и, я верю, Аллах одобрил бы их. Впишите же эти слова в эту каменную книгу. Она останется на века.

И самый умелый из каменотесов под присмотром писцов и переводчиков взялся за дело. Вначале он нанес их краской, а потом взялся за резец и молоток. Первыми стали плестись строки на арабском языке, на котором говорил пророк ислама.

Войско Тимура к тому времени уходило вперед — в чужие пределы, на смертоносную битву...

Часть первая

Птенцы гнезда эмира Казагана

Глава первая

Ястреб в небе

1

В синем летнем небе кружил ястреб. Его сонные круги были неспешными и широкими. Он резал и резал горячую лазурь. Ни одного взмаха крыльями – ястреб ловил потоки воздуха и так мог парить часами.

– Голова закружится, Тимур! – тенью подъезжая к нему, с насмешкой бросил кто-то рядом.

Глаза слепило от солнца, но молодой воин, сделав ладонью козырек, не мог оторвать взгляда от хищной птицы. Сколько напряжения было в этой легкости! Ястреб высматривал добычу и готов был в любое мгновение сложить крылья и камнем броситься вниз.

– Ты последи за ним, Хусейн, – с восторгом сказал молодой воин. – Вот с кого надо брать пример в бою. Он словно

спит до срока, но видит все. Мышь, кузнеца, пчелу. Ни одного лишнего движения – все ради одной цели. – Он вздохнул. – Велик Аллах, создавший этот мир!

– Воистину так, – с улыбкой кивнул его друг. – Сейчас у нас будет возможность последовать примеру этой птицы. Как только отряд проклятых могулов с награбленным обозом покажется за холмами.

– Только там будут не зайцы и не белки, на которых мы, подобно орлу, могли бы броситься сверху из облаков, – глядя в небо, с насмешкой ответил Тимур, – и не козы и не бараны, которых смогли бы распотрошить на месте. Там будут голодные волки – и один злее другого.

Они замолчали.

– Но ведь мы сильнее, не так ли? – спросил Хусейн.

– Да, потому что мы на своей земле, – поглядев на друга, твердо ответил Тимур. – А они – чужаки, желающие получить нашу землю и наше добро, наших жен и детей.

– Вот именно! Мы – орлы, они – дичь. – Глаза Хусейна блеснули ненавистью. – И сейчас мы полакомимся вволю.

С кривыми мечами и кинжалами у пояса, с луками за спиной, молодые люди дерзко рассмеялись. Они крепко сидели в седлах. Прирожденные воины! Дети, внуки и правнуки бойцов.

Тимур оглянулся на отряд, шедший за ними, – их было человек двести. Они двигались неслышно и намеренно скрывались за холмами от большой дороги.

– Пора спешиться и отвести коней в тыл, – сказал Тимур. – А самим лечь за холмы.

– Пора, – согласился Хусейн.

Их не должны были увидеть. И услышать тоже. Лошадям перевяжут морды, чтобы те случайным ржанием не вспугнули охранников отряда. И только когда враг будет близок и оценена опасность, они вернутся в седла. Два товарища знали, что половина из них сейчас может остаться в этих песчаных холмах, но с врагом надо было сражаться. А враг был силен! И что еще хуже, сплочен на зависть. Хан Могулистана Туглук-Тимур главенствовал над всеми своими подданными. А вот эмиры и беки Мавераннахра сами волками смотрели друг на друга после падения ханского трона и смены своих правителей.

Стояло испепеляюще жаркое лето 1360 года. Их было совсем немного – чагатаев, решившихся противостоять ненавистным кочевникам-могулам. Большинство эмиров Мавераннахра пряталось в своих разбросанных по Междуречью угодьях, за стенами крепостей. Тимур и Хусейн были из тех смельчаков, что решились воевать. Пусть малыми силами, небольшими стремительными налетами, но – воевать.

Грозной лавиной они должны высыпать из-за укрытия, когда сонный отряд противника, уморенный под раскаленным солнцем, отяжелевший от добычи, станет проходить по этим местам и откроется для удара.

Хусейн оглянулся и поднял руку – отряд остановился.

Махнул, и вооруженные люди стали быстро спешиваться. Командиры тоже спрыгнули с лошадей. Тимур был высок, коренаст и широкоплеч, его друг эмир Хусейн тоже был высок, но худощав и до черноты смугл. Глаза Тимура сияли словно изнутри, глаза Хусейна весело и жадно блеснули, подобно глазам арабов. Молодые люди были очень разными, и по характеру, и по повадкам, но общие устремления давно сблизили двух талантливых воинов. Обоим хотелось обезопасить родной край от врага, вернуть свои владения, а еще, и уже давно, хотелось безграничной власти – и на одной и той же земле Мавераннахра...

2

Тимур родился 9 апреля 1336 года в селении Ходжа Ильгар на окраине городка Кеш, еще прозванного Шахризабом, что в переводе означало «зеленый город», стоявшего в тринадцати фарсах¹⁴ от Самарканда. Отцом Тимура был местный бек Тарагай из старинного рода Барласов, в котором за столетие перемешалась монгольская и тюркская кровь. Барласы были потомственными воинами и когда-то участвовали в походах Чингисхана. Говорили, что в ту ночь, когда родился Тимур, по небу пролетала кровавая комета, которая вдруг разделилась, и в разные части земли посыпался огонь,

---

¹⁴ Один фарсах (персидский термин) равен одному йигачу (тюркский термин) – 6 километров. Персидская мера чаще использовалась в городах.

а мальчик ревел подобно маленькому льву. У местных стариков поинтересовались, что бы это могло значить. Кто-то, самый древний, сказал, что Тимучин, позже ставший Чингисханом, тоже родился грозно ревушим, подобно льву, и с кулачками, полными сгустков крови. Но только Аллаху ведомо будущее! Мудрецы предположили, что, когда мальчик вырастет и станет взрослым мужем, он прольет много крови, но вот кем он будет – разбойником, мясником или полководцем – кто его знает?

Но вряд ли звезда на небе предвещает рождение разбойника или мясника!

А еще был сон его отца, Тарагая, но тот до срока не посвящал в него сына – ждал особого дня...

Древние говорили: не дай вам бог родиться в эпоху перемен! Именно в такую эпоху и суждено было увидеть свет Тимуру из рода Барласов. Вернее сказать, эти перемены уже стояли у порога его государства и соседних ему стран, суля величайшие беды многим народам Азии.

После того как Чингисхан завоевал большую часть известного мира, он разделил свою империю на четыре гигантских улуса, покрывших своей властью огромные просторы Евразии. Первым и главным был улус Великого хана со столицей в Каракоруме, он охватывал Восточную Сибирь, Монголию, Китай и много других восточноазиатских земель. Вторым по величине улусом была Золотая Орда, отданная в управление старшему сыну Чингисхана – Джучи, отчего и полу-

чила название Джучиев улус. Он охватывал Западную Сибирь и Дашт-и-Кипчак, иначе говоря – Половецкую степь с Поволжьем, а также восточные русские княжества, часть Южной Руси и Северный Кавказ. Третьим улусом было государство Хулагуидов. Основанное внуком Чингисхана Хулагу, оно охватило Ближний Восток – Иран, Ирак, восточную часть Анатолии (Турции. – *Авт.*)¹⁵. Последним, четвертым, был Чагатайский улус, распространивший свое влияние на Среднюю Азию и близлежащие земли и состоявший из двух среднеазиатских территорий – Мавераннахра и Могулистана. Первая область была междуречьем Амударьи и Сырдарьи, вторая лежала на востоке от нее, звалась Семиречьем и доходила до Иртыша, захватывая частью исконную территорию монголов. Мавераннахр был землей древнейшей городской цивилизации Востока. Какие тут выросли еще в седой древности города – Самарканд, Бухара, Хива! Правда, их разрушили и ограбили монголы, но они восстановились за столетие и даже процветали. А Могулистан был землей бескрайних степей и кочевий. Могул – означало «монгол». Ничто не связывало их ни культурно, ни этнически, кроме того, что когда-то Чингисхан своей волей объединил их в одно государство и отдал второму сыну от любимой жены Борте – Чагатаю.

Когда Тимуру было шесть лет от роду, а именно в 1342 го-

---

¹⁵ Государство Хулагуидов в означенных выше границах создавалось уже много позже смерти Чингисхана.

ду, на трон в Чагатайском улусе сел Казан-хан, из Чингизидов, сменив Мухаммед Пулада. Чагатайский улус к тому времени уже раздирали смуты и междоусобицы. Казан-хан пытался объединить земли под своей властью, прекратить войны, он проводил централизацию государства, но делал это предельно жесткой рукой, а подчас – безжалостно, как и положено суровому правителю, хану. Вот что зафиксировал о нем летописец: «Казан Султан-хан, сын Йасур Оглана, став ханом в улусе Чагатая, начал творить жестокости и бесчинства, ступив за пределы справедливости и законности. От его дурных деяний народ стал изнывать. Он нагнал такого страха, что ежели он приглашал какого-либо бека, то тот шел к нему, попрощавшись с семьей и детьми и сделав завещание». Надо сказать, что беки тоже были хороши – каждому хотелось свободы и полновластия на своей территории, и подчиняться новому хану никто не желал. Именно так на территории Мавераннахра и созрел заговор знати против законного хана Казана.

Оппозицию возглавил самый богатый и воинственный эмир Междуречья – Казаган, правитель обширной провинции и крепости Балх на границе с Афганистаном. Это был один из древнейших городов планеты, некогда оплот арийской цивилизации, столица Бактрии. Его называли «матерью городов». Персы превратили Балх в жемчужину Азии. Как говорило предание, в Балхе родился сам Заратустра, тут он прочитал свою первую проповедь, а после странствий по ми-

ру в этом городе упокоился с миром. Город до основания разрушили арабы в седьмом веке, потом его разгромил Чингисхан и перебил половину жителей, но древний город, хоть и утратив бывшее величие, вновь поднялся из руин и теперь, уже как часть цивилизации тюрков, принадлежал эмиру Казагану.

Договорившись со многими беками и своим народом, в Сали Сарае Казаган собрал войско и двинулся на Казан-хана. А тот, узнав о замыслах противника, пошел на него из Карши, где устроил столицу. В 1346 году в степи у селения Дари Занга, недалеко от Термеза, произошла битва. Эмир Казаган потерял в этом сражении глаз. Войска разошлись – победа не досталась никому. Ранение не охладило пыл эмира Казагана – только усилило рвение. Во втором сражении, уже через год, эмир Казаган убил Казан-хана.

С этого времени Чагатайский улус разделился на две половины. Степной Могулистан стал отдельным государством кочевников-могулов со своим ханом, Туглук-Тимуром из рода Чагатая, а во главе Мавераннахра встал Казаган. Не будучи Чингизидом, он не имел прав на трон, поэтому, ограничившись титулом эмира, Казаган посадил на престол подставного Чингизида – Данишмендча, а когда тот ему надоел, поменял его на другого кукольного хана – Баяна Кули-хана. Традиция есть традиция, и законы Великой Ясы никто не отменял.

Уже несколько лет эмир Казаган правил в Мавераннахре,

активно воевал с непокорными соседями, почти всегда побеждал и наконец навел порядок в мятежном краю. Он оказался воистину сильным правителем, и все, кто желал мира родному Мавераннахру, желали и долгих лет жизни эмиру Казагану. Только враги Междуречья могли пожелать ему зла. В притяжение нового правителя попал и клан Барласов, в том числе и Тарагай – отец Тимура.

Однажды Тарагай привез мальчика в Балх. В те дни там собирались все эмиры и беки, твердо стоявшие на стороне правителя Казагана. Когда они с отцом гуляли по дворцу, Тимур слышал деревянный стук – словно кто-то бил палкой о палку. Так оно и было: в одном из зеленых дворики, где журчала в мраморной чаше фонтана вода, бились на кривых деревянных мечях двое – юноша в золотом кафтане и взрослый мужчина, по всему – опытный воин. Тимур, так любивший поединки, вцепился в руку отца и остановил его: зрелище мгновенно увлекло его. Юноша яростно нападал на противника – тот же то и дело отступал, что лишь придавало молодому бойцу смелости и сил.

– Он – хорош, этот юноша, – подметил опытным глазом воин Тарагай. – Ловок и напорист.

Юный боец краем глаза заметил, что за ним наблюдают, и еще с большей решимостью стал нападать на противника. В какой-то момент мужчина занес руку с деревянным мечом для удара, но... не так быстро, как стоило бы во время поединка. И юноша в золотом кафтане со всей силы ударил его

деревянным мечом в живот. Мужчина охнул, схватился за мнимую рану, отступил и выпустил меч из рук.

– Во имя Аллаха, ты победил, молодой эмир Хусейн! – воскликнул он. – А я, несчастный, повергнут. – Он поклонился, приложив руку к сердцу.

Так склоняют голову на милость победителя.

– То-то же, – самодовольно усмехнулся юноша в золотом кафтане.

Тимур потянул отца за рукав и горячо прошептал:

– Этот воин поддался ему!

– Конечно, – ответил шепотом Тарагай. – Ведь юноша – внук нашего владыки, эмира Казагана. – Пойдем...

Только тут юноша целиком обратил внимание на двух зрителей. Взрослый мужчина не заинтересовал его, другое дело – сверстник. Молодой боец вложил меч в ножны и кивнул гостям крепости, подзывая их.

Те подошли. Бек Тарагай поклонился по очереди принцу и учителю фехтования. Первый ответил коротким кивком, второй – поклоном бывалому воину.

– Как тебя зовут? – властно спросил у ровесника юноша.

– Тимур-бек, – ответил юный гость.

– Сколько тебе лет?

– Четырнадцать.

– И мне четырнадцать. – Он внимательнее присмотрелся к сверстнику. – Из какого ты рода?

– Я – Тимур из рода Барласов, – гордо произнес юный

гость Балха.

Молодой фехтовальщик взглянул на своего учителя, и тот ответил коротким кивком, что означало: это знатный род.

– И где твой дом, Тимур из рода Барласов?

– Мой дом в Кеше, что еще зовется Шахризабом, – ответил его ровесник.

Отец молчал, наблюдая, как ведет себя его сын с юным эмиром.

– Я знаю твой город. Однажды я стану правителем Мавераннахра, – заносчиво объявил внук здешнего владыки, – и твой Шахризаб тоже будет моим. – Он гордо поднял голову. – А ты умеешь сражаться?

Тимур нахмурил брови.

– Умею, и лучше многих.

Внук эмира Казагана усмехнулся:

– На слова все мастера.

В глазах Тимура блеснул вызов. Он усмехнулся:

– Я бы не пропустил такого удара, который пропустил твой слуга. – Он кивнул на учителя фехтования. – Думаю, он поддался тебе. Ведь ты – его хозяин.

– А ты дерзок, – заметил Хусейн.

Тимур слегка насупился.

– Я просто сказал правду.

В тишине, возникшей во двореке, был слышен только фонтан – журчание прохладной и чистой воды.

– Ты очень дерзок, – глядя в глаза ровеснику, повторил

юноша в золотом кафтане.

– Простите нас, молодой эмир, – примирительно молвил Тарагай.

– Я сказал правду, отец, – со своей стороны требовательно повторил Тимур, тоже не отводя взгляда. – Пусть твой учитель даст мне меч, – смело обратился он к ровеснику, – и я докажу это.

– Дай ему меч, – кивнул Хусейн.

Учитель фехтования выполнил требование – и Тимур крепко сжал рукоять меча.

– Будь осторожен, – склонившись к уху сына, подсказал Тимуру отец.

– Буду, – ответил сын.

– Только не перестарайся. – Хусейн услышал их слова. – Аллах любит смелых.

Юноши разошлись и гордо взглянули друг на друга. Не предупредив о начале битвы, с тем же напором, с каким бросался на учителя, Хусейн бросился на сверстника. Но тот ловко отбил первый удар, второй, третий и сам стал нападать на Хусейна. В этой битве деревянные мечи крепко бились друг о друга, противники старались разить друг друга по-настоящему. Тарагай то дело переглядывался с учителем фехтования – нет ли опасности для мальчишек. Хотя какие мальчишки? Еще пара лет, и они сядут на закованных в броню коней и будут искать свои настоящие битвы.

Пока деревянные мечи с треском стучали друг о друга,

никто не обратил внимания, что совсем рядом послышался девичий смех и быстрый топот башмачков.

Тимур первым оглянулся на голоса – тотчас отбил коварный удар противника и отскочил в сторону... Во дворик вбежали две девочки лет по двенадцать, оттого их лица были открыты. Несомненно, они вырвались с женской половины. Девочки, как лучшие подруги, держались за руки. Обе разругались от бега и смеха. Обе стояли и переводили взгляд с Хусейна на Тимура и обратно. Так и бегали глазами: ах, эти воинственные юноши, как же они привлекательны!

Внук эмира Казагана, сам пылавший лицом, с гневом взглянул на девочек:

– Вы прервали наш поединок.

– Прости нас, господин, – сказала одна из них, – мы больше не будем. – И обе покатались со смеху.

Им тоже хотелось привлечь внимание двух молодых воинов, вооруженных деревянными мечами, – таких смелых, красивых и статных!

Хусейн кивнул на девочек:

– Познакомься, Тимур. Это, – он указал на ту, что была слева и которая притворно извинялась, – Ульджай Туркан, моя родная сестра, а это, – он улыбнулся по-особенному, – Сарай Мульк, она ханша из рода Чингисхана.

И Тимур, и его отец с любопытством посмотрели на родовитую девочку, в чьих жилах текла голубая кровь покорителя мира. Сарай Мульк стыдливо опустила глаза, а вот Ульд-

жай Туркан смело глядела именно на Тимура. Что смотреть на брата – она его видела каждый день!.. Что же подсказывало ему, четырнадцатилетнему подростку, провидение, так неожиданно открывшее сразу двух юных дев, которые сыграют в его жизни великую роль? А он сам переводил взгляд с одной из них на другую и не знал, чей облик больше привлекает его. Чье лицо больше привлекает – они были обе такие хорошенькие, веселые, с блестящими карими глазами. Маленькие серны!

– У меня появился новый друг, – объявил Хусейн. – Он отличный боец. Когда я стану правителем Мавераннахра, я возьму его к себе на службу.

– Нам пора появиться перед вашим дедом и отцом, – сказал учитель Хусейну. – А вам, госпожа Ульджай Туркан и госпожа Сарай Мульк, пора на свою половину.

– Вот-вот. – У одной из колонн выросла усатая толстая нянька в пестрых платьях и платках; она явно запыхалась. – Наконец-то я нашла вас, проказницы. – Они засеменили к ней, нянька обняла их за плечи. – И что мне с вами делать?

Девочки уходили с неохотой. Ульджай Туркан обернулась напоследок – и вновь посмотрела на Тимура. Хусейн протянул сверстнику руку и пожал ее нарочито крепко.

– Еще увидимся, Тимур-бек, – сказал он. Уважительно поклонился отцу сверстника – и удалился в сопровождении учителя.

Тарагай и Тимур шли по коридору дворца, устланному

коврами.

– Ты был и дерзок, и неосторожен, – сказал отец сыну. – Я говорю и о твоих обидных словах, которые задели молодого эмира, и об этом поединке. Я-то знаю, на что ты способен. Если бы ты нанес ему рану, нам бы этого не простили.

– Я был самим собой, – ответил юноша.

– Клянусь пророком, в этот раз ты оказался прав. Иногда быть самим собой – единственный выход из положения. Но так бывает не всегда.

Тарагай хорошо изучил норы сына и часто удивлялся, какому мальчику, непохожему на остальных, он помог явиться на свет.

Потом был пир, устроенный эмиром Казаганом в честь его верных вассалов. Тут обильно лилось вино, звучала музыка. Эмир Казаган выглядел особенно величественно, сразу видно – хозяин. Через его лицо проходила черная повязка – она закрывала левый глаз. Прощальная метина от последнего Чингизида Мавераннахра.

Вокруг Казагана сидела его близкая родня, по правую руку восседал на подушках его сын и наследник – эмир Мусли, как о нем за спиной говорили: «слабый в сравнении с отцом человек», по левую руку был старший сын Мусли – Хусейн, с важным видом юноша обозревал своих будущих подданных. Эмиры и беки пили за процветание Мавераннахра. Был тут и старший из клана Барласов, в свите которого сюда приехал Тарагай и его сын Тимур. Слуги подносили фрукты и сладо-

сти, наливали чай и вино. И хотя мусульманам пить спиртное не полагалось, но их государства раскинулись на территориях древнейших винодельческих культур, и память об этом трудно было искоренить из жизни людей.

Ведь написал персидский поэт, мусульманин Омар Хайям почти триста лет назад:

Чем пустыми мечтами себя донимать —

Лучше полный кувшин до утра обнимать!

Эта культура умеренного питья передавалась из поколения в поколение, которые росли под сенью роскошных виноградников Междуречья. Да и язычники-монголы Чингисхана, завоевавшие эти земли, если честно, многое сделали для того, чтобы вино лилось рекой. Выпить монголы были горазды, и даже Яса Чингисхана призывала воина не напиваться чаще трех раз в месяц, еще лучше — два, а один раз в месяц напивался только самый образцовый монгол.

В отдалении сидели женщины, девушки и девочки. У них шел свой скромный пир — громко смеяться себе позволяли только самые юные и знатные. Тимур быстро разглядел двух из них, в дорогих одеждах, что стали свидетельницами их недавнего поединка с внуком эмира Балха. А увидев, он уже не сводил с них глаз. Особенно с одной...

Вокруг шумели голоса — их было много. Приглашенные смеялись. Искусно выводили на своих дутарах и рубабх мелодии лучшие менестрели Балха, другие ритмично били в тугие барабаны, третьи отрывисто бренчали бубнами с наве-

шанными на них серебряными колокольцами.

– А я бы смог жениться на ней? – спросил он.

– На ком? – удивился отец. – На Ульджай Туркан?

Юноша ответил не сразу.

– На Сарай Мульк.

Тарагай-бек примирительно усмехнулся.

– Нет, мой мальчик. Она рода Чингисхана – и тебе не ровня. Нам не ровня, – добавил он. – Мы только можем служить им.

Тимур хмурился и хмурился. Девочки наконец и сами заметили его, хоть он сидел далеко от них. Особенно расцвела лицом Ульджай Туркан. Сарай Мульк вновь лишь опустила глаза.

– А если я очень захочу? – сурово спросил Тимур. – Очень-очень?

Голоса, смех и музыка мешали их беседе. Но разговор был деликатный, и Тарагай старался говорить сыну почти на ухо.

– В мире есть такие вещи, которые мы не можем получить, как бы того ни хотели. Это стоит понять. И потом, я слышал, что Сарай Мульк готовят в жены молодому эмиру Хусейну, с кем ты сегодня скрестил деревянные мечи.

– Но ведь дед Хусейна, наш эмир Казаган, убил отца Сарай Мульк – хана Казана. Как же она может быть после этого его женой?

– Это вопрос выгоды для всего государства, мой сын. – Тарагай отрицательно покачал головой. – Правители не при-

надлежат себе, как это может показаться на первый взгляд. Если выгодно государству, то они обязаны поступать так на благо своей страны. И потом, не сам же Хусейн убил хана Казана? – Тарагай положил широкую руку на худощавую, но уже сильную руку сына. – Примирись с этим. Такова воля Аллаха. А вот Ульджай Туркан могла бы стать твоей женой, если бы ты стал лучшим другом этого заносчивого Хусейна и его правой рукой в будущих битвах. С ней вы почти одной крови. И она такая красавица, клянусь пророком, ничуть не хуже своей подруги. Я был бы рад такой невестке!

Тимур не ответил на это – только хмуро промолчал. Тарагай взглянул на сына, но так и не понял, что у того на уме. Когда Тимур хотел, он умел скрывать свои мысли, даже несмотря на юный возраст.

Через три дня они возвращались домой. За это время Тимуру удалось многое. Его представили эмиру Казагану, и тот, положив руку Тимуру на плечо, сверля его единственным правым глазом, изрек: «Я чувствую в этом юноше большую силу. Пришли его служить мне, Тарагай-бек, я ничем не обижу твоего сына». «Да, повелитель», – поклонился эмиру Балха Тарагай. Тимур увидел радость на лице отца. Рядом с дедом стоял и улыбался Хусейн – ему была по душе эта новость. Или он сам подтолкнул грозного и властного деда к этой мысли? Еще Тимур успел посоревноваться с Хусейном и другими молодыми людьми, сыновьями эмиров и беков, будущими воинами, в скачках и борьбе и даже перемолвить-

ся двумя словечками с Ульджай Туркан и Сарай Мульк. И вновь первая смотрела на него с еще большим интересом, а вторая все чаще опускала глаза. К тому времени Хусейн уже с гордостью признался ему, что стоит Сарай Мульк немного повзрослеть, и он возьмет ее в жены. И тем самым породнится с Чингизидами, а это значит, что их дети будут полновластными хозяевами в Мавераннахре и не нужно будет сажать подставных глупых ханов. Конечно, обо всем об этом он, Хусейн, сотни раз слышал и от своего деда, и от отца, всей душой желавших этого брака. За ними – эмирами Балха – сила, за девочкой – знатная кровь. Хорошее сочетание!

Только вот Тимуру не понравился ни вывод отца, ни бахвальство Хусейна. Он не понимал, почему не может получить того, чем желал завладеть всем сердцем. Из принципа, из желания утвердить свою волю и показать силу.

Таков был склад его характера. Таким его сделал Всевышний. Но пока Тимур и сам не понимал этого великого притяжения к заоблачным высотам – высотам безраздельной власти, куда однажды он устремит свой взор и куда пока тянулся лишь всей своей природой.

– Это была славная поездка, – кивнул самому себе ехавший рядом Тарагай. – Она принесет свои плоды, воистину так.

А Тимур покачивался в седле, молчаливо наблюдая за ярким закатным солнцем – кроваво-красным, тонувшим в Амударье, и вновь хмурился...

...Еще в раннем детстве он показал себя лидером. Ему хотелось властвовать. Это был яростный зов юного сердца. Больше всего он любил изображать из себя шаха. А все начиналось так. Однажды во дворе дома Тимура, где мерно журчал простенький фонтан, они, мальчишки, играли в царей, полководцев и подданных, и заспорили, кто из них будет главным. Им было лет по восемь. Он и его товарищ Камал были заводилами в этой компании. С ними трудно было спорить. Подставляя лицо солнцу, Тимур едва заметно кивал. Он вдруг увидел себя на троне. «Отныне я буду царем! – гордо воскликнул он. – И называйте меня только так!» «А если я хочу быть царем?» – спросил его товарищ Камал. «Кто – ты?» – пренебрежительно кивнул на товарища Тимур. «Я!» – заносчиво вздернул голову тот. «Ты – царем?» – «Да, я». – И мальчик не менее гордо оглядел товарищей, которые уже почувствовали, что сейчас что-то будет. «Нет, – покачал головой Тимур. – Я могу тебя сделать визирем, Камал, или своим полководцем. Выбирай». «Царем!» – упрямо ответил тот. «Говорю: нет». «Да!» – ответил настойчивый Камал. Тимур помнил, как бешено застучало сердце. Как тяжело он задышал. «Безрассудный! – гордо и весело воскликнул он. – Как смеешь ты дерзить своему повелителю?» – «Кто повелитель – ты?! Сейчас я брошу тебя на землю!» Этот урок Тимур уяснил с детства: если говоришь – надо делать. Недолго думая, когда никто не ожидал, он сам бросился на товарища с кулаками и разом повалил того в песок. «Ты и за визиря

моего не сойдешь – будешь моим слугой! А я буду тебя сечь, когда захочу! – Он хорошенько потрянул сверстника и ударил его головой о землю. – А станешь сопротивляться, клянусь Аллахом, я велю отрубить тебе голову! – Другие мальчишки уже отступили. – Или сам отрублю ее! Слышишь меня, Камал? Слышишь?! Сам отрублю! – Опрокинутый навзничь мальчик бессильно сопел и дергался в железной хватке норовистого сверстника. – Ну же, признаешь меня царем?!» «Нет!» – шипел тот. Но Тимур еще сильнее встряхнул и ударил его о землю. А как сверкали его глаза – страстно, жестоко, одержимо!словно все было взаправду! «Говори! Говори!» – с налившимся кровью лицом, словно маленький львенок, рычал он. «Признаю, Тимур! – обиженно и жалобно забубнил тот. – Отпусти! Признаю! Признаю!» Тимур вошел в раж и не сразу услышал его. «То-то же! – Тимур наконец слез со своего товарища. Встал, отряхнулся, подал тому руку. – Поднимайся. На этот раз я буду добр к тебе. Но визирем, Камал, тебе уже не быть, и уж точно не быть полководцем!»

Тимур помнил, как на эту громкую ссору вышла из дома его старшая сестра Кутлук Туркан. В руке она держала грозное оружие служанки.

– Вот что, цари и визири, если вы помнете мой цветник, я вам всем напощу этой метлой! – Она была еще девушкой, но с твердым характером, достойным настоящего воина. – Слышишь меня, Тимур?

– Слышу, – красный лицом, еще дыша гневом, опустил

глаза тот.

Он безмерно уважал и любил свою старшую сестру.

– Хорошо. А теперь выметайтесь со двора, бахадурь.

– Но мы еще не совершили казнь, – твердо сказал ее брат.

– Какую еще казнь?

– Виновного.

Тимур готов был настоять на своем. Ведь отрубить голову кому-то было надо. Обязательно надо! Царь должен рубить головы!

Кутлук Туркан подозрительно оглядела мальчишек.

– И кто у вас виновный?

Оглядел притихших товарищей и Тимур.

– Мы пока не знаем.

– Я знаю, – хитро сказала девушка.

Очень скоро Тимур и его друзья собрали чучело из соломы. Обернули в старую рубаху. Перевязали туловище, ноги и руки бечевой, чтобы смешной человечек не рассыпался прежде времени. И голова у него была из соломы, и шея, что немаловажно. Тимур вытащил из дома кривой отцовский клинок, подошел к чучелу и сказал: «Ты ослушался меня, негодный, и за это должен понести наказание. Во имя Аллаха, приговариваю тебя к смерти!» Размахнулся и снес отцовским мечом чучелу и без того хлипкую голову. Кутлук Туркан стояла недалеко подбоченившись и смеялась до слез.

Но Тимур был серьезен! На всю жизнь он запомнил это упоительное ощущение – решать судьбу другого человека,

проявить волю и власть – взять и казнить его. Потому что он решил так. И ничего больше – только его воля!

Таким он был уже в десять лет, но время неумолимо летело вперед, открывая жадному юному сердцу новые горизонты.

Отец, будучи опытным воином, сам научил его всему – ездить верхом, сражаться на мечях и кинжалах, метать копье, стрелять из лука. Научил ничего не бояться, уж коли тебе выпала участь солдата. И всегда, подобно другим бекам, в чьих жилах текла кровь воинов Чингисхана, говорил сыну, какими великими были его предки. Покорителями земли. Потрясателями вселенной. Хозяевами мира.

К четырнадцати годам, когда Тимур побывал во дворце Балха, предстал пред очами эмира Казагана и сблизился с его внуком, он уже был норовистым воином, только пока воевать было не с кем.

Но эти времена оставались не за горами...

3

Через три года, когда ему исполнилось семнадцать лет, Тимура женили на совсем юной девушке – Турмуш-аге, дочери эмира Чагуй Барласа. Жених и невеста приходились друг другу дальними родственниками. Брак по договоренности, в кругу одной большой семьи. Турмуш было четырнадцать – еще совсем ребенок. Она боготворила своего мужа,

Тимур принял ее, но только половиной своего сердца – другая половина рвалась в Балх, к двум другим девушкам, увиденным им однажды. В том же году, когда он женился сам, Тимур побывал и на свадьбе молодого эмира Хусейна. Сарай Мульк, как и было predetermined, стала женой внука эмира Казагана. Ульджай Туркан, повзрослевшая, а ей, как и подруге, исполнилось пятнадцать, просияла, когда увидела его. И горько опечалилась, узнав, что у него уже есть жена.

– А как же ты? – горячо поинтересовался Тимур. – У тебя уже есть жених?

– Мой отец пока не решил мою судьбу, – тяжело вздохнув, ответила Ульджай Туркан. – Но день приближается, я чувствую это.

И впрямь, девицы не должны засиживаться на женской половине. Едва округлились формы и милое детское личико стало лицом девушки, ее надо немедленно отдавать замуж. Ничего нет лучше и желаннее для жениха, чем юный и здоровый плод, который так и хочется съесть. А там, глядишь, через пару лет и детки пойдут.

В тот год Тимур пошел служить дому эмира Казагана. Хусейн в очередной раз напомнил деду про своего товарища из далекого Шахризаба. Тот день, когда он собирался в дорогу, а его жена часами плакала о грядущей разлуке, Тимур не забыл бы никогда – он разбивал своей хрупкой Турмуш сердце.

Они выехали в путь на рассвете. Отец провожал его. В

компании нескольких слуг они ехали верхом по бескрайней прохладной степи, освещенной розовым сиянием, и вдруг Тарагай сказал ему:

– Послушай, Тимур, сын мой, я никогда тебе прежде не рассказывал об этом. Но вдруг со мной что-нибудь случится и ты не узнаешь. А это, видит Аллах, очень важно – и для меня, и особенно для тебя. Когда-то я увидел сон. Тебя еще не было на этом свете. Ко мне подошел красивый молодой человек, лицом похожий на араба, и вручил мне меч. Я крепко взял его в руку и стал неистово размахивать им по воздуху. И вдруг увидел, как от блеска моего клинка озарился весь мир. Всюду играли отсветы меча! Лучи пронзали горизонт! Это было за год до твоего рождения, Тимур...

Юноша с замирающим сердцем слушал удивительный рассказ отца, но не подавал вида. Конечно, он касался его – именно его, Тимура! Его будущего, его судьбы!..

– Я пришел в Шахризаб, в мечеть, к нашему наставнику – святому Шемсу Ад-Дин Кулалю, – и спросил его: что бы это значило? И знаешь, что он ответил мне?

– Что, отец? – спросил Тимур.

– Он сказал, что Бог мне пошлет сына, которому суждено овладеть всем миром, обратить всех в ислам, освободить землю от мрака невежества и заблуждения. Как только ты появился на свет, я тотчас же отнес тебя к шейху Шемсу Ад-Дин Кулалю, моему духовному наставнику. Он читал Коран. Я не смел прервать его. Как сейчас помню, он прочитал стро-

ку из шестьдесят седьмой суры, из «Власти», шестнадцатый аят. «Неужели вы уверены, что Тот, Кто на небе, не заставит землю поглотить вас? Она уже под вами колеблется». Стих заканчивался на слове «Тимур». «Назови сына этим именем, – сказал мне Шемс Ад-Дин Кулаль, – и на шаг приблизишься к своему пророчеству». Мы нарекли тебя именем Тимур, мой сын. Запомни эту историю – навсегда запомни.

– Хорошо, отец, – кивнул молодой человек.

Но и впрямь, как не запомнить такое пророчество? Подобные прозрения сеют в душе зерна будущих великих поступков.

4

Эмиру Казагану подчинились все беки Мавераннахра, но все ли добровольно? Увы, нет. Многие из владетельных аристократов Мавераннахра считали его выскочкой, равной им, и то и дело показывали свой воинственный норов. С ними приходилось то и дело воевать, показывать характер владыки, бить, подобно льву, наотмашь когтистой лапой. И Тимур в этих битвах стал одним из острых когтей кривого на один глаз эмира Казагана. Но первым когтем был его внук – Хусейн. Они сдружились, стали неразлучны. И ни в чем не уступали друг другу. Казаган выполнил обещание, данное Тарагаю, он приблизил Тимура и относился к нему как к родному внуку. Эмир знал, что этот молодой воин из рода Барласов

всегда прикроет ему спину в любой из битв.

Но вот что настораживало больше всего самого эмира и его самых дальновидных приспешников. Кто стоит за этими бунтами, вспышками недовольства, за дерзостью, с какой бунтовщики-эмиры выступали против Казагана? Все чаще слышалось одно и то же слово: «могулы». Восточные соседи Мавераннахра. Все чаще произносилось имя одного и того же человека – законного и властного государя соседнего Могулистана.

– За всей этой смутой стоит проклятый Туглук-Тимур! – однажды услышали они с Хусейном грозный рык эмира Казагана, который говорил со своими полководцами. – Клянусь Всевышним, он не успокоится, пока я стою у власти. Что ему нужно? Весь улус Чагатая? Не бывать этому! – рычал эмир Казаган. – Если бы Могулистан был подобен Мавераннахру, в нем были бы города, куда можно пойти с мечом и которые можно взять силой, но это – страна степей. И они бескрайни! Мы были бы бессильны на этих равнинах, решишь нанести удар по нашим проклятым соседям, не знающим ни домов, ни истинного Бога.

Тут он был прав – многие могулы оставались язычниками. Приходилось воевать только с непокорными эмирами своей страны. И два молодых воина, лучшие из лучших, эмир Хусейн и Тимур-бек, воевали с ними. Хусейн – за свой будущий трон государя, Тимур – за первое место быть при нем. Как же многому научился Тимур у эмира Казагана, слушая

и выполняя его приказы! О лучшем наставнике нельзя было и мечтать.

Когда им исполнилось по девятнадцать лет, однажды во дворце Балха молодой эмир Хусейн сказал Тимуру:

– Я приготовил тебе дорогой подарок, мой друг.

– Золотой халат из Персии?

– Нет.

– Меч из Дамаска?

– Еще лучше.

– Прекрасную гурию? – пошутил Тимур.

– Да нет же! Еще лучше! Какой ты недогадливый!

– Что может быть лучше золотого халата из Персии, меча из Дамаска и прекрасной гурии?

– Войди в эту залу – и увидишь. Во время одной из битв я тебе сказал, что это может случиться. Просто ты забыл. Но этот подарок сам попросился к своему хозяину! – лукаво улыбнулся Хусейн.

– А что, бывает такое?

– Еще как бывает, Тимур! – рассмеялся Хусейн и открыл перед товарищем двери. – Да входи же ты!

Тимур вошел. На подушках сидела прекрасная девушка – это можно было понять по одним только черным глазам серны. Лицо ее было закрыто покрывалом.

Что-то словно укололо Тимура. Ранило по-особенному. Он знал эти глаза!

– Кто она? – спросил Тимур.

– Твоя невеста, – очень просто ответил Хусейн.

– Клянусь Аллахом, это смелое заявление, – сказал Тимур.

– Открой лицо, милая, – приказал девушке Хусейн.

Та молча откинула покрывало. Сердце Тимура затрепетало – перед ним сидела и улыбалась ему Ульджай Туркан.

– Я... не могу ошибиться? – пробормотал Тимур.

– И мой дед, и мой отец, и я посчитали, что никто другой не достоин руки моей прекрасной сестры так, как ты, Тимур.

– А сама невеста, – проговорил Тимур, – она считает так же?

– Я же сказал, этот подарок сам попросился к хозяину. Но спроси ее...

Тимур не смел задать этот вопрос. Ульджай Туркан опередила его:

– Да, Тимур-бек, это был и мой выбор.

Она говорила и сердцем, и душой. То, о чем он мечтал когда-то, сбывалось. Эмир Казаган принял его в свою семью – это была великая честь.

А дома, в Шахризабе, горевала без полноты любви его первая юная жена – Турмуш-ага. Но ее приготовили к тому, что муж будет набирать жен в свой гарем, и чем выше окажется его статус в государстве, чем богаче он станет, тем больше будет у него жен. Такова истина Востока и Азии для женщин – они обязаны делить своих любимых с другими женами. Таков человеческий и религиозный закон их родной

культуры, и спорить с ним невозможно. Зато мужчине одна благодать, особенно когда один за другим рождаются дети, и тем более сыновья.

Жены Тимура, отданные за него юными девушками, повзрослели и забеременели. Когда Тимур-беку исполнилось двадцать лет, Ульджай Туркан родила ему сына Мухаммада Джахангира, и в том же 1356 году, но несколькими месяцами позже, Турмуш-ага родила ему второго сына – Умаршаха.

До великой войны, которой суждено будет охватить половину Средней Азии и унести жизни сотен тысяч ее жителей, оставалось два года...

5

Эмир Казаган славился не только своей доблестью на поле боя и государственным умом, но и благородством по отношению к побежденным эмирам. Он не казнил их направо и налево, как поступал до него Казан-хан. Он умел прощать. Увы, не всегда великодушие приносит благие плоды, иногда его семена смертельны, как споры ядовитых грибов. Ведь побежденные противники, униженные своей слабостью, носят в душе планы отмщения.

В тот момент, пока эмир Казаган довольствовался приобретенной властью и видимым миром в государстве, его враги нашли друг друга. В центре заговора оказались послы из Могулистана, прибывшие в Бухару к марионеточному пра-

вителю Мавераннахра Баяну Кули-хану, а также и мятежные эмиры, таившиеся до срока. Послы Туглук-Тимура сказали: «О правитель! Ты потомок Чингисхана, но проклятый эмир Казаган заставляет тебя выполнять свою волю, подчиняться тебе. Наш хан, с которым ты одной крови, желает прийти к тебе на помощь и освободить тебя от злого ярма! Ты сплотишь вокруг себя верных эмиров и овладеешь государством, а мы поможем тебе». Как часто люди слышат только то, что хотят услышать! Баян Кули-хан, ученый муж, которому было уже за пятьдесят, не желал верить горькой правде, а она была таковой: он, ученик мудреца, был слабым и ничтожным правителем, да только кто в таком сознается самому себе? Он и впрямь считал эмира Казагана ненавистным выскочкой, но забывал, что тот – сильный и талантливый государь. Честолюбие и тщеславие всегда бегут впереди, спешат, как голодные волки, мудрость плетется за ними, подобно уставшему верблюду позади свежего каравана.

Вот только хитрые степняки могулы относились к Кули-хану с великим презрением. Устрани Туглук-Тимур эмира Казагана, он положил бы Кули-хана на одну ладонь, а другой бы прихлопнул вместе со всеми мятежными эмирами и завладел бы Мавераннахром, объединил Чагатайский улус под своей, могульской, властью.

– Что ты скажешь нам, о великий хан? – спросили послы могулов.

– А что скажут эмиры? – спросил марионеточный прави-

тель.

Мятежные эмиры горели мщением и ответили: «Мы с тобой, правитель! Смерть эмиру Казагану, будь он проклят тысячу лет!»

Теперь заговорщикам осталось только воплотить задуманное в жизнь.

Как и любой среднеазиатский аристократ, эмир Казаган очень любил охоту. И конечно, он чувствовал себя полновластным хозяином на своей земле. Он часто выезжал в обширные окрестности Балха, чтобы там бить жирных казарок и перепелов, диких гусей и серых уток, оленей, косуль и зайцев. Нередко его сопровождали Хусейн и Тимур. Но все чаще Казаган забывал о том, что ему нужен большой и хорошо вооруженный отряд сопровождения. Тимур видел в этом опасное легкомыслие успокоившегося и забывшего об угрозе владыки. Он сказал об этом Хусейну, попросил предупредить своего деда, но тот усмехнулся:

– Сделай это сам – посмотрю на тебя.

Тимур набрался смелости и сказал в узком кругу приближенных людей эмиру Казагану:

– Прости меня, повелитель. Но ты берешь слишком мало людей на охоту и удаляешься слишком далеко от Балха. К тому же у нас оружие только для охоты – луки и ножи, и почти никто не надевает кольчуг.

Хусейн слушал замечание с насмешливой улыбкой. В своем роде это была дерзость – указывать властному эмиру, что

ему делать и что нет.

Казаган оглядел своих приближенных.

– Ты думаешь, мне кто-то может угрожать на моей же земле? – спросил он.

Его правый глаз грозно сверлил Тимура.

– У тебя много врагов, повелитель, – смело ответил молодой бек. – Я о мятежных эмирах.

– Это верно, – согласился Казаган. – Но все они сидят по своим норам и носа не кажут. Любой знает, что будет с ним, если он посмотрит на меня врагом. Огнем и мечом пройдуся по его земле. Я это делал уже не раз. – Он тотчас превратился в грозу. – Я подчинил своей воле половину улуса Чагатая, и теперь всегда будет так.

– А могулы?

– Проклятые могулы? – усмехнулся правитель Балха. – Эти дети шайтана слишком далеко, чтобы пожаловать в мои земли. Между нами – сотни йигачей пути, десятки рек, городов и сотни селений.

– И все же... – осмелился вновь заговорить Тимур.

– Благодарю тебя за трепетную заботу, мой дорогой зять, – строго прервал его Казаган. – Тут, на моей священной земле Балха, – он указал пальцем в пол, – я не боюсь никого. Мои сторонники повсюду – тебе ли, моему верному слуге, этого не знать.

– Да, государь, – поклонился Тимур.

В тот весенний день 1358 года эмир Казаган слишком да-

леко удалился от стен Балха. Добрались до Зеленой долины, где были разбросаны оливковые рощицы и повсюду рос дикий виноград. Тут все цвело и благоухало. С Казаганом было всего десяток человек – боевых товарищей, испытанных беков, ветеранов, с которыми он воевал бок о бок против хана Казана, и самых верных слуг. Они приехали на соколиную охоту – изысканное развлечение аристократов. Она и родилась, как явление высокого охотничьего искусства, именно здесь, на востоке, в Центральной Азии, две тысячи лет назад. Особенно страстно ее любили древние ассирийские цари. На такую охоту никто не брал боевого оружия. Вместо лука у каждого ловца была испытанная хищная птица, сидевшая на его руке, покрытой кожаным панцирем, чтобы когти грозной птицы не разорвали человеческую плоть. С головы птицы снимали матерчатый колпачок, она хищно оглядывалась по сторонам, взмывала ввысь, а потом нападала с лету на лебедя или куропатку, на утку или журавля или бросалась вниз и била несчастного зайца. Иные птицы могли задрать и ягненка. Дикий сокол находил жертву для себя и своего потомства, чтобы насытиться и выжить, обученный ручной бил жертву для своего хозяина, и чем роскошнее была добыча, тем больше гордости испытывал охотник за своего безжалостного питомца.

Как же они увлеклись в тот день кровавой охотой! Птицы уходили в небо, искали добычу, срывались вниз, рвали ее. Эмир Казаган и его друзья смотрели только в жаркое синее

небо, ища глазами своих птиц.

Но в этот роковой час их птицы, глядя вниз, видели не только своих жертв – гусей, уток и зайцев, – но и то, как к увлеченным охотникам со всех сторон из-за деревьев и зарослей приближаются всадники. Но сокол – охотник, а не верный телохранитель. Хотя всякое бывает...

Эмир Казаган и его друзья спохватились только тогда, когда были тесно окружены врагами. На охотниках были только дорогие кафтаны – никакой брони, легкие сабли и кинжалы, луки за спиной.

– Проклятье, – гневно пробормотал Казаган. – Кто вы?!

Но главарь незнакомцев, выехавший вперед, только усмехнулся его словам. Казаган понял, что ответа ему не дожидаться! Что чужаки пришли за его жизнью.

– Да как вы посмели?! – только и успел яростно прошептать эмир. – Шакалы!

Люди Казагана едва успели выхватить сабли. Заговорщики даже не стали приближаться к охотникам для ближнего боя – у всех уже были на изготове луки с натянутыми тетивами и смертоносными стрелами. В одно мгновение эмир Казаган и его товарищи-беки превратились из охотников в легкую добычу. И самой легкой был Казаган – его левый глаз закрывала повязка. Стрелы пронзительно рассекли воздух. Несколько десятков врагов в считанные секунды положили почти всех охотников, но всем хотелось выстрелить именно в эмира Казагана. И это позволило нескольким охотникам

вырваться из окружения. В них послали десяток стрел; все, кроме одного, упали с лошадей на землю. И тому, кто выжил, попали в плечо. Но конь был хорош – ветром понес его прочь. Один из нападавших попытался добить беглеца, уже поднял лук, но тогда камнем из синевы упал на него выученный убивать сокол, в секунды когтями разорвал лицо и шею, ослепил грозным клювом. Птицу убили, но заговорщик, с разорванной шеей, корчась и хрипя, истек кровью на глазах своих спутников.

Эмир Казаган, пронзенный десятком стрел, приоткрыл глаз. Ему оставалось несколько вдохов. На фоне солнца над ним выросла фигура – это был враг, предводитель наемных убийц.

Он усмехнулся, кивнул:

– Тебе привет от хана Туглук-Тимура, да хранит Аллах его жизнь!

Потом занес копье и пробил грудь удачливого до поры до времени эмира, государя Мавераннахра.

Беглеца не догнали – Казаган подарил ему лучшего из коней, он и вынес его из засады. Когда слуга убитого эмира добрался до Балха, то уже терял сознание; когда перед ним открыли ворота, тотчас повалился на руки своих товарищей.

Едва он пришел в себя, то увидел перед собой молодого эмира Хусейна и его друга Тимур-бека.

– Что случилось?! – горячо спросил Хусейн.

– Засада, – с трудом ответил раненый. – Нас выследили...

– Кто выследил?!

– Не знаю. Их было много.

– Где это случилось?

– В Зеленой долине. Мы едва успели вытащить из ножен мечи. – Он с горечью улыбнулся. – Славная была охота, молодой эмир...

– Что мой дед?

– Убит, – прошептал тот и закрыл глаза.

Хусейн не сразу пришел в себя.

– Зеленая долина – это было его любимое место с юности.

– Знаю, – откликнулся Тимур.

– Сколько раз он говорил, что хотел быть похоронен в этой долине. Собирай отряд – немедленно.

Через пару часов Хусейн и Тимур с отрядом в сотню человек прибыли на место трагедии. Зеленая долина – благодатный пятачок, старый оазис – встретила их страшной картиной. Кругом лежали трупы верных беков эмира Казагана и его слуг-охотников, иссеченных стрелами и мечами. Хусейн и Тимур спрыгнули с лошадей. И тут же лежал бездыханный эмир Казаган, над чьим телом убийцы успели поглумиться вволю. Каждый из врагов вонзил ему копье или меч в грудь – она была разворочена. Окровавленное лицо тоже было изуродовано – выбит единственный глаз правителя Балха.

– Кто это мог сделать? – повторял Хусейн. – Кто? Мятежные эмиры? Но они трусы. Я знаю всех – да кто бы из них

решился свершить с моим дедом такое?! Ведь глупец должен знать, что его род будет истреблен полностью! Вырезаны сыновья и дети, а жены и дочери будут проданы в рабство! Кто?!

– Взгляни сюда, Хусейн, – сказал Тимур. – Это же любимый сокол твоего деда – Тархун. Его иссекли мечами. Но тут много крови и нет трупа – он убил одного из предателей.

– Да, только он и отомстил за своего хозяина, – кивнул Хусейн.

Тимур присел, вытащил из ножен кинжал и зацепил из лужи крови цепочку, а за ней показался и талисман. Отер о траву кровь. Поднялся.

– Ни у кого из наших не могло быть такого талисмана.

– Конечно, не могло, – взяв из рук товарища находку, усмехнулся Хусейн. – Это знак могульского идола. Половина из них – проклятые язычники. Вот кто стоит за этим преступлением. Но могулам помогли – я не сомневаюсь в этом.

В ближайшие минуты Хусейн послал большой отряд в погоню за убийцами деда. Но все понимали: у преступников было несколько часов, чтобы скрыться. Другие воины должны были собрать тела погибших товарищей и доставить их в Балх.

– Милостивый Аллах, за что ты так поступил с нами? – пробормотал Хусейн, когда тело убитого Казагана, обернутое в покрывало, укладывали на седло лошади. – Теперь разверзнется ад. Моего отца они слушаться не будут – он слаб,

да простит меня Всевышний за эти слова, и меня не станут – я для них слишком молод. – Он поднял глаза на верного друга: – Нас ждет большая война, Тимур-бек...

– Если так, то будем воевать, – ответил его друг.

Как в воду смотрел молодой эмир Хусейн. Да, заговор был раскрыт. Один из пойманных врагов убитого Казагана, заносчивый мятежный эмир, в чьи владения ворвался Хусейн и приставил меч к горлу подлеца, выдал всех: и своих заговорщиков-эмиров, и коварных могулов, исчадий ада, и кукольного правителя Чагатайского улуса Баяна Кули-хана, неблагодарного и презренного негодяя. Того вскоре зарезали по приказанию сына Казагана – эмира Мусли, нового правителя. Но было поздно. Мавераннахр объединяла только сила эмира Казагана, и многие склонившие головы перед ним мечтали их поднять при первом удобном случае. Над эмиром Мусли за его спиной самые дерзкие посмеивались, мол, лев – Казаган – родил шакала, да и то хромого на четыре лапы. А молодого амбициозного Хусейна ненавидели почти все – он не лез за словом в карман, давал всем оценки и вслух говорил, что однажды железной рукой, какая есть у его деда, будет править всем Чагатайским улусом. Да и сам Казаган видел именно во внуке, которого специально женили на Чингизидке, будущего преемника. Но второй железной руки ни эмирам, ни бекам не хотелось – каждый мечтал жить обособленно и творить свой суд на своей земле. Их можно было понять – Казаган был лишь первым среди равных, а

потомства у Хусейна и Сарай Мульк пока не было.

Эмиру Мусли не простили убийства Чингизида – Баяна Кули-хана. Самого Мусли тоже зарезали, и за этой смертью стояли проклятые могулы. Балх потерял звание номинальной столицы Чагатайского улуса, от него отвернулись почти все.

Коварный замысел Туглук-Тимура удался. Смерть эмира Казагана нанесла сокрушительный удар по государственности Мавераннахра. Разделившийся на ряд небольших феодальных лагерей, не ведающих никакого закона, весь край погрузился во тьму больших и мелких кровопролитных междоусобиц.

Только не понимали эмиры и беки Мавераннахра, что, внеся сумятицу и великий раздор в Междуречье, могулы хотели лишь одного – присоединить их земли к своим.

И этот день уже был у порога.

Оставшиеся без хозяина, эмиры и беки ополчились друг против друга. Вспомнили старые раздоры, кровную месть, спорные границы территорий. Запылали мщением.

– Теперь каждый за себя, – сказал Тимур своему другу, когда с родной стороны приехал за ним гонец. – Я уезжаю домой, в Кеш. И отцу нездоровится.

Птенцам гнезда эмира Казагана пора было лететь в разные стороны. Тимуру надо было возвращаться в свой клан – в Кашкадарьинский вилайет, в Шахризаб, к хозяину клана Хаджи Барласу. Быть защитником родной стороны.

– Я тебя понимаю и не держу, – ответил Хусейн. – Да хранит тебя Аллах. Клянусь, что всю жизнь буду мстить проклятым могулам за смерть своего деда.

– А я клянусь в том, что когда смогу, то буду с тобой рядом, – сказал его друг. – Видит Бог, для меня твой дед был вторым отцом.

А когда Тимур вернулся, то застал не только больного отца Тарагая, который получил немало ран в боях, но и умирающую первую жену – юную Турмуш-агу. Она не перенесла долгих расставаний с любимым мужем, его недостаточной любви к себе. Ведь большую часть сердца он отдал сестре Хусейна – Ульджай Туркан. Весть о свадьбе с ней и несомненное счастье мужа совсем подкосили бедняжку. Она только сказала: «Да хранит тебя Аллах, Тимур, я виновата только в том, что была слишком юна и неопытна для тебя». Рядом заливался горючими слезами в руках няньки их малолетний сын Умаршах и ревела годовалая дочка Тагай-шах. Плакала старшая сестра Тимура – Кутлук Туркан-ага, которая всем сердцем привязалась к девочке, жене любимого брата, сама ее всему научила. Кутлук Туркан помогала ей воспитывать детей, а теперь взялась помогать и с похоронами несчастной Турмуш.

За советом, как ему быть дальше, в те дни Тимур пришел к шейху Шемсу Ад-Дин Кулалю, известному в Шахризабе мудрецу. Как-никак, это ему Тарагай рассказал свой сон незадолго до рождения сына, и это шейх дал имя молодого

му воину. Шемс Ад-Дин и прежде давал много полезных советов Тарагаю Барласу, этот же праведник наставлял и его юного сына, пока тот вырослел. Благодаря ему Тимур хорошо знал Коран и часто цитировал его. Раздоры в улусе, смерть высокого покровителя, потом – смерть юной жены, перед которой он всегда чувствовал свою вину, – все это вывело из равновесия душу Тимура.

Об этом он и рассказал шейху, своему наставнику.

– Бывает так, что от нас ничего не зависит, – сказал ему мудрец. – Мы можем стократно бороться за желаемое, но не получить ничего. Сейчас ты в руках Господа, следуй же по стезе его, – наставил молодого воина Шемс Ад-Дин Кулаль. – И помни о пророчестве своего отца.

И Тимур помнил – каждый день и каждый час. Оно всегда пусть отдаленным эхом, но звучало в его сердце.

6

В 1360 году Тимору исполнилось двадцать четыре года. Именно тогда, через два года после смерти эмира Казагана, на Мавераннахр и напал ненавистный хан Могулистана Туглук-Тимур. В нем текла кровь Чингисхана, он презирал своевольных эмиров Мавераннахра, прятавшихся за стенами городов вопреки воле великого завоевателя, и видел за собой право объединить под своей властью весь Чагатайский улус.

Достоинство противостоять Туглук-Тимуру в Мавераннахре ни у кого не было сил. Но страстное желание было – и особенно у эмира Хусейна. Ведь могулы захватывали город за городом, захватили они и Балх. Древний город сам открыл им ворота. Почувствовав, что предательство рядом, а может быть, и смерть, Хусейн бежал еще раньше из дедовской вотчины со своей семьей. Вернуть Балх и мстить могулам и своим предателям-эмирам до самой смерти – это была его цель и его долг. Тимур тоже решил воевать с могулами. Они сколотили каждый по отряду человек в сто пятьдесят, но в первую очередь чтобы защитить свои дома и родных от других эмиров и беков, ведь за последние два года их родина стала одним разбойничьим гнездом. И вот два друга встретились и объединили свои силы. Два вождя на одно небольшое войско. Они поджидали на дорогах Мавераннахра небольшие отряды грабителей-могулов и уничтожали их. Но не брезговали нападать и на караваны враждебных эмиров – надо было как-то кормить семьи. Теперь все жили как в дикой степи. Нет законного хана – нет самого закона. Не возьмешь ты – возьмут у тебя. Не убьешь ты – убьют тебя. Так иди – возьми и убей, и будешь жить, и прокормишь семью.

И все-таки это именно они, Хусейн и Тимур, первые решили противостоять безжалостному захватчику.

Испепеляюще жарким летом 1360 года эмир Хусейн, беглец, претендующий на трон в Мавераннахре, и его лучший

друг и родственник Тимур-бек из рода Барласов караулили за песчаными холмами, раскаленными на солнце, отряд грабителей-могулов. И когда наступила пора, они вскочили на коней и грозной лавиной высыпали из-за укрытия. Размороженные, не ожидавшие нападения, могулы едва успели взяться за луки, но три четверти отряда, пронзенные стрелами, тотчас повалились под копыта своих же коней. Оставшиеся успели свалить два десятка нападавших, схватиться за мечи, но ярость чагатаев быстро сломила их. Могулов не жалели – их вырезали сразу. Уничтожали как порчу, как заразу. Что до эмира Хусейна, в каждом враге, пришедшем из Могулистана, он видел убийцу своего деда Казагана.

Хусейну и Тимуру достался большой караван награбленного добра.

– Вряд ли я буду спрашивать, чье это имущество, – усмехнулся Хусейн. – Меня лишили вотчины, так клянусь небом, это будет хоть каким-то воздаянием за мои потери.

Тимур был с ним полностью согласен – и ему нужно было кормить семью.

7

Противостояние могулам, нападения на их отряды заставили хана Туглук-Тимура пройти огнем и мечом по еще не завоеванной территории Мавераннахра. Он уже взял Самарканд, тот сам открыл ему ворота, и теперь на очереди был

город Кеш – «зеленый город», Шахризаб.

Хаджи Барлас, хозяин Шахризаба и части Мавераннахра, вначале готовился к битве, но одумался и бросился с семьей и челядью в бега – он спешил укрыться у родни в Хорасане. Тимур вначале последовал за хозяином клана, двоюродным дядей по отцу, но по дороге все думал: огромная земля, которую он любил и знал, осталась пуста! Люди брошены. Справедливо ли это? У него в обозе жена, двое четырехлетних сыновей-погодков: от Ульджай Туркан-аги, – Джахангир, и от Турмуш-аги – Умаршах. И дочка от Турмуш – Ака Бегим, которая неутешно плачет без матери. Куда он их везет? А главное – зачем? Чтобы обездолить навеки? Ведь дом его в Шахризабе! И вдруг Тимур почувствовал великую форту. А если переиграть судьбу? Поступиться немногим, чтобы получить столь многое и желанное? Школа, которую он прошел, служа эмиру Казагану, истинному вождю, многому его научила. Правитель должен быть сильным, смелым, хитрым, ловким, несокрушимым. Никто не пойдет за слабым и трусливым, за жалким беглецом! Да таковые и не имеют права властвовать. Их доля – скрываться в тени. Но поступиться чем-то придется.

Он нагнал Хаджи Барласа на берегу реки Амударьи и попросил того выслушать его. Дядя и племянник отъехали от каравана в степь.

– Хозяин, – доверительно сказал Тимур, – мы оба знаем: если твоя страна останется без правителя, то быстро придет

в расстройство. Оставшийся народ и весь улус будут разорены противником. Многих перебьют, многих продадут в рабство. Я прошу разрешить мне вернуться в Кеш и поднять дух народа, а если Аллах позволит, то и всего улуса. Я помирюсь с пришедшими беками, готовыми воевать, и пойду на службу к хану Могулистана, и, даю слово, страна будет спасена от разорения.

Хаджи Барлас долго думал. Он то ловил твердый взгляд племянника, то смотрел вдаль, где остался его родной дом. Ему не хватило духу выстоять и дать отпор захватчику, но вдруг его молодой родственник сумеет спасти их общую землю? Пусть соглашением с врагом. В душе он уже похоронил родной вилайет (провинция) со всеми его жителями, ведь Могулистан был куда сильнее, и его законный хан Туглук-Тимур, если на то пошло, был Чингизидом и мог предъявить права на весь Чагатайский улус.

– Сделай, как решил, Тимур, – сказал Хаджи Барлас. Ноздри пожилого бека-беглеца раздувались от зародившейся в сердце надежды. – И даст Бог, мы еще сможем вернуться на землю отцов. В добрый путь!

У реки Амударьи Тимур повернул свой караван. С ближайшими верными людьми он устремился как можно скорее в Шахризаб.

Хаджи Барлас услышал то, что хотел услышать. У Тимура были свои далеко идущие планы. Через сутки он приехал к завоевателю и предложил ему свой меч. Наконец, чем гор-

дый и жадный хан-могул Туглук-Тимур отличался от ненасытных и беспринципных эмиров Мавераннахра? Туглук-Тимур обрадовался такому предложению и поставил Тимура хозяином всего Кашкадарьинского вилайета, которым до того управлял Хаджи Барлас. Таким образом Тимур вдруг превратился из обычного бека в богатого феодала средней руки. Это был быстрый и удивительный взлет! Кажется, он удивил самого Тимура. Хан Туглук-Тимур вскоре ушел в Могулистан, но послал правителем в Мавераннахр своего сына – Ильяса Ходжу. А вот этому молодчику Тимур служить отказался и назвал выделенную тому территорию своей. Туглук-Тимур быстро понял, что его провели, но было поздно. Приняв титул эмира, который бы соответствовал его влиянию, Тимур уже подмял под себя западную часть Мавераннахра и не желал делиться обретенной властью с молодым могульским принцем Ильясом Ходжой. Тем более что жители раздробленного Мавераннахра увидели в новом воинственном эмире долгожданную защиту и спокойствие своих очагов. Он был плоть от плоти этой земли – ему поверили всем сердцем. Легкость, с какой ему удалось взлететь, поневоле заставляла Тимура вспоминать о пророчестве отца, как во сне тот увидел воинственного молодого человека, давшего ему меч. Он слышал отцовские слова: «Я стал играть с мечом, и отблески от моего клинка полетели во все стороны света. Лучи пронзали горизонт! Это было за год до твоего рождения, Тимур...» А еще до него то и дело доходили слухи, что

где-то на границе с Афганистаном его друг эмир Хусейн собирает войско для борьбы с могулами.

Но, сумев так быстро подняться, Тимур стал врагом не только могулистанского правителя Туглук-Тимура, но и хозяина своего клана – Хаджи Барласа. Укрывшись в Хорасане, тот наблюдал за тем, как развиваются события на его вотчине. И что же он увидел? Тимур не только остановил посулами и мечом могулов, но и утвердился в Кеше на правах его нового хозяина. И не спешил звать назад истинного правителя этой земли.

То и дело рыча: «Самозванец!» – Хаджи Барлас помчался в Кеш и поднял восстание беков, еще недавно своих подданных. Те плохо понимали, за кем идти: за новым вождем Тимуром или за старым Хаджи Барласом. Силы разделились. Войска столкнулись в долине реки Кашкадарья, в Акяре. В кровопролитной битве, о которой летописец сказал: «Богатыри обоих войск так славно поработали, что век Рустама и Инфандияра был бесславно посрамлен»¹⁶. В конце концов победил Тимур, и его родственник и бывший хозяин Хаджи Барлас бежал в сторону Самарканда, к своему покровителю Баязид-беку. Но этой битве, на фоне угрозы могулов, никто не был рад, и после победы многие беки ушли от Тимура.

В марте 1361 года Туглук-Тимур вернулся с еще большим войском. Теперь он уже твердо решил захватить весь Ма-

---

¹⁶ Рустам и Исфандияр – персонажи поэмы «Шахнаме» Фирдоуси, легендарные богатыри.

вераннахр. И теперь Хаджи Барлас сам бросился к нему на службу, желая заполучить назад свой Кашкадарьинский вилайет. Но никто не спешил вернуть ему землю. А когда казнили его покровителя Баязид-бека, Хаджи Барлас испугался гнева Туглук-Тимура, вновь перешел Амударью, чтобы попасть в спасительный Хорасан, но по дороге вместе с братом пал от рук неизвестных заговорщиков. Одни думали на хана Туглук-Тимура, другие на племянника Тимура. Но когда последний завоюет Хорасан, то показательно истребит многих, кто так или иначе мог участвовать в нападении на Хаджи Барласа, а землю, где был убит родственник-бек, отдаст навсегда его потомкам. Как бы то ни было, но первый из явных противников Тимура, его дядя, сошел с исторической сцены. Никогда бы Хаджи Барлас не принял племянника своим хозяином и владельцем своих кровных земель.

А вот хан Туглук-Тимур вскоре победителем въехал в Мавераннахр. Он был и милостив, и жесток одновременно. Бил кнутом и угощал пряником. Как сказал летописец о втором приходе Туглук-Тимура: «Когда он дошел до Самарканда, страна Мавераннахра целиком подпала под его власть. Все беки вынужденно вошли в подчинение хану. Хан подвергал йасаку¹⁷ всякого, у кого в груди было малейшее сомнение (сомнение в нем, хане. — *Авт.*). А к тем, кому он доверился, проявлял милость и почтение».

Бунтарь эмир Тимур мог рассчитывать как на первое, так

---

¹⁷ Йасак — наказание или казнь.

и на второе. Причем куда больше на йасак, чем на прощение и благоволение. Но звериная интуиция подсказывала ему, что хан не станет убивать одного из самых почитаемых военных вождей Мавераннахра. Конечно, хану очень бы этого хотелось! Но он не должен был переступить эту черту.

С такими мыслями и сомнениями строптивый эмир Тимур и въехал в Самарканд в сопровождении отряда избранных бойцов.

Они ехали и озирались по сторонам. Старый обветшалый дворец, охрана могулов повсюду. Враждебные взгляды ненавистных степных волков.

И вот молодой эмир Тимур предстал пред очами хана Туглук-Тимура. Скрестив ноги, тот сидел на возвышении, на ковре, как и положено хану кочевников, в окружении своих приближенных, одетых в дорогие халаты. Рядом с ханом неподвижно сидел молодой человек с очень злым лицом. Сын хана – Ильяс Ходжа Оглан! (Оглан – принц крови Чингисхана.) Вот кто ненавидел Тимура! Позади стояли нукеры хана. Все смотрели на Тимура. Круглые загорелые прокопченные лица, узкие глаза. Чистые монголы! У Тимура тоже отдаленно читались монгольские черты – кровь диких предков, которыми он очень гордился! Но за полтораста лет много разной тюркской крови влилось в его породу, и лицом он уже мало походил на свою далекую степную родню.

– Садись, эмир Тимур, – указал перед собой хан Туглук-Тимур. – Отведай моего кумыса. Лучшие кобылицы Могу-

листана дали это волшебное молоко. А как перебродило оно! Выпьешь чашу – сразу ударит в голову, и мир расцветет перед тобой!

Он засмеялся, и засмеялись все его царедворцы, сидевшие в расписных халатах и пившие кумыс.

Тимур сел, поджал ноги, испил из пиалы бодрящего напитка. Пил и думал: а не отравлен ли этот кумыс? Но и отказаться пить его – все равно что плюнуть в лицо хану. Могут и зарезать тут же. Показательно. И его соратники за воротами не спасут, и тех еще перебьют.

– Ты любишь этот город? – спросил Туглук-Тимур.

– Да, мой хан, – ответил Тимур. – Я люблю Самарканд, хотя родился и вырос в Шахризабе. В зеленом городе Кеше. Его я тоже очень люблю.

– Города! – презрительно усмехнулся Туглук-Тимур. – Великий Чингисхан заповедал нам жить вольной кочевой жизнью и смотреть на города свысока. Они точно оковы на руках и ногах свободного воина. Каменный дом для человека становится обузой. А домом должны быть земля и небо и твой шатер, который ты можешь поставить где угодно, на любой земле, которую завоевал. Мне тоже нравится твой Самарканд, он красив, но я бы не отдал за него и десяти йигачей вольной монгольской степи! Твои предки были монголами, не так ли?

– Это так, мой хан.

– Вот видишь, в твоих жилах течет самая благородная

кровь в мире – кровь господ. (Определение из Ясы Чингисхана. – *Авт.*) И твои предки ходили в походы с моим далеким дедом?

– И это так, мой хан. Во все походы.

– Это хорошо. Не будем же менять положения вещей. Вот зачем я вызвал тебя, эмир Тимур, – уже куда серьезнее сказал хан. – Всем известно, что ты – первый бахадур Мавераннахра. Ты умен и отважен, ловок и хитер. Про тебя говорят: он как опытный дикий зверь! Силен, вынослив, отважен!

– Благодарю на добром слове, – поклонился Тимур.

– Но порой, как дикий зверь, он и коварен, – многозначительно договорил хан. – Выследит, вцепится и порвет! Только подставь шею! Тебе не откажешь и в этом, – кивнул Туглук-Тимур. – Не так ли?

Тимур поднял на него глаза: куда он клонит?

– В поединке необходимо и мужество, и ловкость, и коварство, – заметил молодой воинственный гость. – Особенно если противник сильнее тебя.

Это был и комплимент, и вызов хану могулов. Но, кажется, Туглук-Тимуру его объяснение пришлось по вкусу.

– Вот что я решил, эмир Тимур. Казан-хан, да будет Аллах милостив к его душе, объединил под своей властью весь Чагатайский улус. Тем самым он действовал по воле своего далекого предка – великого Чингисхана. Эмир Казаган, будь он проклят во веки веков, убил законного правителя этой земли и присвоил власть себе. Он плохо сделал, за что и по-

платился головой. — Хан выждал паузу. — Я знаю, что ты служил ему, но кому тебе еще было служить? А еще я знаю, что в твоих друзьях его мятежный внук эмир Хусейн, но прощаю тебе эту дружбу. Тем более что дружба между вождями часто недолговечна и вступают в нее только лишь для того, чтобы укрепить свои силы сегодня. Завтрашний день может все перевернуть.

Он зрил в корень, этот хан могулов! Знал, о чем говорил. — А теперь о главном, эмир Тимур. — Туглук-Тимур гордо поднял голову. — Потрясатель мира великий Чингисхан и мой предок тоже, и я буду следовать тем законам, которые он утвердил. Улус Чагатай должен быть един, и я пришел в Мавераннахр, чтобы утвердить это правило. Я — новый хозяин Чагатайского улуса, но охватить все великие земли своим вниманием сложно. Я буду править в Могулистане, а мой сын, Ильяс Ходжа, в Мавераннахре. Однажды ты воспротивился этому, но я простил тебя. Более того, у тебя же, эмир Тимур, будет свое великое и уважаемое место, для которого, возможно, ты и рожден.

Тимур был взволнован: куда выведет этот разговор?

Как сказал летописец: «Хан Туглук-Тимур увидел в Сахибкиране властность и величие и потому вручил управление страной ему».

— Ты знаешь эту страну во сто крат лучше меня и моего сына Ильяса. Поэтому я назначаю тебя полководцем при моем сыне, в жилах которого, как и в моих, течет кровь Чин-

гисхана.

Это означало: мы – господа, ты нам подчиняешься и управляешь от нашего имени. Что ж, кумыс пока не убил его, размышлял Тимур, а должность ему предлагали такую высокую, о которой он еще недавно не смел и мечтать! И он не выхватил ее в случайной битве или во время дворцового переворота, а получил ее официально из рук хана. Полководец своего родного государства! Разве что под пятой ненавистных могулов.

– Заодно поучишь моего мальчика, как выигрывать битвы, – добавил Туглук-Тимур. – Ведь неприятели повсюду!

Мальчишка засопел от негодования. Над ним шутили!

– Пыл у него есть, – кивнув на сына, весело рассмеялся отец, – не хуже, чем у нашего великого предка, – да опыта пока маловато! Так что, эмир Тимур, тебе и научить моего смелого мальчика премудростям войны. Ну что, ты согласен на эту должность? Стать моим мечом и мечом моего сына?

– Для меня это великая честь, повелитель, – поклонился Тимур.

– Ну вот, слава Аллаху, мы и договорились! – обрадовался хан. Но он что-то недоговаривал. Хитро оглядел своих сановников. – А если я тебе поручу найти твоего друга – эмира Хусейна, первого заговорщика моего улуса – и привести его ко мне? Что скажешь на это, эмир Тимур?

Все затихли. Эмир Хусейн бежал из Мавераннахра от гнева и мести злобных могулов. Никто не простил его деду

убийства хана Казана, никто не простил самому Хусейну его сопротивления.

– А какова будет участь моего товарища? – спросил Тимур.

Тень недовольства легла на лицо хана.

– А уж это как решу я, твой господин.

Тимур вздохнул.

– Мне бы не хотелось вести своего друга на верную смерть. Но если бы я попросил тебя за него и ты был бы милостив, а Хусейн поклялся бы никогда не выступать против тебя, вот когда бы я с радостью нашел его хоть на краю света и привел к тебе.

– Если бы ты! Ели бы я! Сколько «если бы»? – покачал головой Туглук-Тимур. – Хану надо подчиняться беспрекословно, храбрый эмир Тимур! Ну да что нам спорить – будем веселиться! Я в Самарканде, Мавераннахр покорен и лежит у моих ног, а твой меч, Тимур, принадлежит отныне мне. Сейчас будет пир! Музыканты будут ублажать наш слух, а прекрасные танцовщицы и гурии – взгляд и плоть! – Он хлопал в ладоши, призывая обещанные зрелища и веселье. – Да будет так!

Тимур облегченно вздохнул. Нет, травить его, кажется, пока никто не собирался.

Это была чистая правда. Хан Туглук-Тимур, сполна оценив военные таланты эмира Тимура, посчитал, что такого человека лучше иметь в друзьях. И сыну будет у кого поучиться.

ся. И Тимуру эта должность была очень кстати – он поднялся еще на одну ступень в иерархии местной аристократии. Практически стал в Мавераннахре вторым человеком после ханского сына Ильяса Ходжи. Но мальчишка ненавидел его, и окружение молодого хана тоже едва терпело своевольного чагатая, уже не раз бившего их в сражениях.

Было Тимуру на тот момент всего двадцать пять лет.

Время от времени Тимур приезжал в Шахризаб для беседы с шейхом Шемсом Ад-Дин Кулалем. Праведник наблюдал со стороны за деяниями своего духовного питомца. И вот в очередной раз он слушал его недалеко от мечети, в садике, у журчащего фонтана. Тимур говорил о постоянных испытаниях, которые выпадают на его долю. Война следует за войной, мира нет, кругом козни, почти все желают ему смерти. Как быть? Как вынести эту ношу?

Длиннобородый шейх кивал воину, похожему на грозное облако, а потом сказал:

– Тимур, послушай меня. Величие Господа Бога состоит в том, что тех, кого он выделяет из своей паствы, он же подвергает бесчисленным испытаниям. Поэтому за всяким счастьем следует несчастье и за тяжелым трудом следует отдохновение, ибо таково установление Аллаха. Господь Бог, велик он и свят, если кому-либо из своих рабов дает власть и счастье, он испытывает его несчастьями забот. Пророк Юсуф (Юсуф – библейский Иосиф. – *Авт.*), приветствие ему, – шейх воздел черные от загара руки к небу, – пока не пере-

жил несчастья и трудности, оказавшись в колодце, куда его бросили родные братья и откуда его извлекли чужие купцы, не достиг власти и царства. Адам, отец всего человечества, пока не познал полную лишений жизнь голышом, не достиг милости Господа в виде одевания из слов: «И избрал его Господь». И наш пророк, лучший из всех пророков, наилучшие приветствия ему, пока не перенес лишений и несчастий переселений, не познал вкус победы. Чем ты лучше Юсуфа, Адама и нашего пророка? Скажи мне, Тимур?

– Ничем не лучше, – покачал тот головой. – Я и в подметки им не сгожусь, учитель. Но я все понял! Спасибо тебе.

– Видишь, мудрость входит в тебя, отважный Тимур. С каждым новым словом, каждой новой мыслью, с каждым новым биением сердца. Не упускай этого великого дара – понимать и усваивать уроки Создателя. Аллах любит тебя, можешь не сомневаться в этом!

Уходя из мечетного сада Шахризаба, одного Тимур не сказал шейху Шемсу Ад-Дин Кулалю. Терпеть невзгоды и лишения, ожидая милости Господа, – была не его доля. Тимур знал это наверняка. Одни лишь белые одежды скромного избранника Господа – это были не его одежды. Он лучше других владел мечом, он был воином. Он был тем хищным ястребом, который кружит в небе, высматривая добычу. Бросается и разит врага. Подчас беспощадно.

Иначе он просто не мог жить. Не умел. И не хотел.

Глава вторая

Адовы муки

1

Они потерялись надолго – Тимур и Хусейн. Пока Тимур был увлечен битвами с врагами хана Туглук-Тимура, выполнявшая обещанную роль полководца при его сыне, и еще более увлечен победами над неприятелем, потому что ему везло, Хусейн исчез из поля зрения друга. И тогда, во время очередного затишья, Тимур с избранными друзьями и хорошо вооруженным отрядом в полусотню человек отправился искать родственника. Его правой рукой отныне был Хаджи Сайф ад-Дин, славный бахадур. Жена, Ульджай Туркан-ага, попросилась с ним – она тоже беспокоилась о брате и не хотела оставаться в Кеше одна. Детей оставили на заботливую Кутлук Туркан-агу.

Тимур искал друга с добрыми новостями.

Он встретил Хусейна далеко от дома – в пустыне Хивака, у колодца Сагидж, напоившего многих путников, проходивших по этим местам. Хусейн сидел в тени худого деревца. Его окликнули. Он откинул капюшон. Хусейн стал еще чернее лицом. Глаза его блестели еще ярче, но совсем невесело.

Он был похож на демона ночи.

– Великий эмир Тимур, – язвительно усмехнулся мятежный беглец. – Верный друг Могулистана! Изгнанник и бродяга эмир Хусейн приветствует тебя! – поклонился он.

В голосе его открыто звучала издевка. Судьба не просто развела их на время: одному она дала великие привилегии, у другого отняла последнее. Но они обнялись как старинные друзья. Ульджай Туркан повисла на шее брата и долго не отпускала его.

– Как же ты изменился! – со слезами на глазах шептала она. – Я все время думаю, что Аллах отвернется от нашей семьи, что я потеряю тебя!

– Рано отчаиваться, милая, – обнимая сестру, отвечал он. – Аллах воистину велик, и он помогает своим верным детям. Никогда не поверю, что Всевышний отвернется от нас в пользу проклятых могулов.

В кибитке была и жена Хусейна – Сарай Мульк. Как же дрогнуло сердце Тимура, когда она вышла и он увидел ее. Сколько воспоминаний! Неясных, но таких упоительных надежд! Две девочки с глазами серн со смехом врываются в зал, где юноши сражаются на деревянных мечях! Славные были времена! Казалось, они будут длиться вечно. А еще звучали в ушах слова отца, мудрого Тарагая: «Ты ей не пара». И вот теперь эти две девочки – молодые женщины – вновь перед ним.

– Приветствую тебя, храбрый Тимур, – поклонилась Са-

рай Мульк. Она вновь опустила глаза, как и тогда, в первый раз, и, кажется, вновь покраснела. – Здравствуй, милая Ульджай. – В ее глазах блеснули слезы при виде самой близкой подруги и родственницы. – Как же я рада видеть тебя!

Жены двух друзей расцеловались. Сарай Мульк приветствовала и приближенных Тимура. Все знали о ее высокой крови и поклонились с особым почтением.

– Почему ты скитаешься, как дервиш, почему не вернешься в Самарканд под мое крыло? – нахмурился Тимур, когда они остались одни. – Страсти улеглись. Я уже не раз просил за тебя и получил для тебя разрешение вернуться на родину.

– Вернуться в Самарканд? – зло усмехнулся Хусейн. – Под твое крыло? Это ты ухватил за хвост удачу – не я. Ты сумел договориться с могулами. Я, Тимур, как и был, внук эмира Казагана, который правил в Мавераннахре, пока могулы предательски не убили его на той охоте, в Зеленой долине, будь они прокляты. Его изуродованное тело всегда у меня перед глазами. И я по-прежнему ненавижу их и считаю этот трон своим. По праву! И хан Туглук-Тимур хорошо знает об этом.

– Я помогу тебе, – сказал Тимур. – Говорю – я выхлопотал и у него, и у Ильяса Ходжи для тебя прощение. Приедешь, поклонишься мальчишке, и конец скитаниям.

– Но так ли надежно твое крыло?

– Что ты хочешь этим сказать?

– На каждую птицу, на самого грозного орла, есть своя стрела. Нет, – покачал головой Хусейн. – Стоит мне вернуть-

ся, и даже ты ничем не сможешь помочь мне. Сабля пала-ча, нож убийцы, яд во время пира, стрела на охоте, но что-то обязательно найдет меня и мою семью. Пока Могулистан правит в Мавераннахре, видит Аллах, мне на родине делать нечего. Я должен объехать верных эмиров и беков и собрать войско. Только так я смогу вернуться в родной дом.

Тимур в глубине души понимал правоту своего товарища и осознавал, что его собственное положение крепко, пока он сам крепко сидит в седле и крепко держит в руке меч. И пока за ним стоят избранные воины Мавераннахра. Могулы не любили его – лишь терпели. В качестве врага он был чересчур опасен. И в отличие от Хусейна, внука Казагана, он, Тимур, сын простого бека, не стал бы претендовать на трон в Мавераннахре. Никому и в голову такое прийти не могло! Так почему бы не использовать его военные таланты? Он выигрывал для них битвы, стало быть, могулы перехитрили его. Укротили дикого зверя.

Они утолили жажду у источника, помолились, немного поели. Отряду нужно было где-то остановиться, и они отправились к правителю Хивака эмиру Тюкелю. Это была мрачная каменная крепость с похожим на каземат каменным дворцом и глиняными пристройками к нему и вонючими домами из кирпичей-кизяков из той же рыжей глины, смешанной с верблюжьим навозом. Рыжий вонючий городок, смердящий на всю округу.

Им устроили роскошный пир – зарезали баранов, разло-

жили фрукты, поставили сладости и вина. Все, чтобы забыть о тревогах!

– Лучший из бахадуров Мавераннахра! – повторял нарочито веселый и разморенный вином эмир Тюкель. – Слава Аллаху, ты у меня в гостях! Как же я рад тебя видеть! Пей вино, я знаю, что ты любишь его!

Слишком сладко распевал эмир Тюкель! И слишком обильно подливала вино прислуга в чаши уставшим с дороги гостям.

Ночью Тимура разбудил Хаджи Сайф ад-Дин.

– Просыпайся, вставай! Тимур!

После долгого пути, обильного пира и доброго вина не так-то легко сразу проснуться.

– Что случилось? – спросил он.

Рядом уже встрепенулась его жена – Ульджай Туркан-ага.

– В крепости есть мой родственник, из охраны, он нашел возможность сообщить мне, что нас под утро, когда сон особенно крепок, хотят вырезать всех до одного.

– Как такое может быть?

– Вспомни, как сладок был голос эмира Тюкеля!

Картина вдруг обрела для Тимура ясность. «Лучший из бахадуров Мавераннахра!» – пел хозяин вонючего Хивака.

Это же слова Туглук-Тимура!

– За подлым эмиром стоят могулы, – вырвалось у него. – Узнали, что я уехал с небольшим отрядом, и поспешили предать меня! – Он захрипел от гнева и негодования: – Неужто

правда?!

– Это же могулы, – кивнул Сайф ад-Дин. – Подлое племя!

– Тогда все сходится! То-то меня никто не остановил, когда я уезжал из Мавераннахра. Они только обрадовались, видит Аллах! Это Ильяс Ходжа! Стоило мне быть полюбезнее с будущим ханом. Он решил убить меня руками Тюкеля, а заодно и ненавистного ему Хусейна. Двух одним ударом! А я еще звал Хусейна в Самарканд!

– Уходим, Тимур, – повторил Сайф ад-Дин. – Хусейна уже разбудили.

Этой же ночью, собравшись быстро, они бежали. По крепости вскоре разнеслась тревога, и за ними следом высыпало целое войско – тысяча человек. Чтобы наверняка. Их отделяло всего несколько йигачей пути. Возглавил преследователей сам эмир Тюкель.

– Не уйдешь, не уйдешь! – наспех собранный, тоже уморенный после пира, повторял он, идя во главе войска. – Мы не можем упустить его – у него меньше сотни человек!

Но Тимур взял самых лучших и самых верных. Тут был не только Сайф ад-Дин-бек, но и Тагай Буга Барлас, и Олджай Буг Бахадур. Отважные командиры его отрядов. И каждый его воин стоил десяти преследователей. На заре они устроили засаду и сразу положили из луков две сотни врагов. Убитые валом преградили путь своим же. Потом началась схватка. Сверкали сабли в утреннем солнце. Криками раненых и погибающих оглашалась округа.

Вот какое свидетельство, вспоминая строки Корана, оставил летописец об этой схватке:

«И язык сабли говорил в ухо души: “Каждый, кто имеет тебя, лишится”, а звук стрелы вблизи и издали доносил: “Всякая душа вкусит смерть”».

Но отступать было нельзя – с ними ехали две женщины, жены эмиров. К полудню от врага осталось менее сотни, а у Тимура – семь человек. Они ушли от погони только потому, что Тюкель был ранен и придавлен убитой лошадью. Свои посчитали его мертвым. Ради кого гнаться за неприятелем? Убили коня и под Хусейном, он запрыгнул за спину Тимуру, и так они вдвоем уходили в пустыню. Слава Богу, их женщины были хорошими наездницами.

Но так случилось, что к ночи они растерялись. Тимур остался только со своей женой. Через сутки они выбрали на стан туркменов. Для Тимура это был чужой народ. Он спустил на веревке жену в колодец, сказав: «Отдаю тебя, милая, на Промысел Божий», – а сам пошел к хозяевам этих мест. Убьют – не убьют. К счастью, некто Хаджи Мухаммед, гостивший там житель Мавераннахра, узнал Тимур-бека, не дал туркменам расправиться с ними, напоил и накормил раненого беглеца и его жену, дал им лошадей. С именем Господа на устах они продолжили путь. И к великой радости, утром следующего дня встретились в пустыне с Хусейном и Сарай Мульк. Женщины не ожидали увидеть живыми друг друга. И Тимуру с Хусейном пришлось ждать, когда они на-

плачутся вволю. Вчетвером они продолжали путь вместе. Но еда и вода закончились. А дорога – нет. Сейчас они были легкой добычей. И домой им был путь заказан.

В местности Махмудий, к востоку от Мерва, израненные, изможденные, они попросились к местному аристократу – Али-беку. Но тут их ожидала новая засада. Дав им еды, хозяин долго смотрел на своих гостей, жадно евших, а затем скомандовал своим людям:

– Взять их!

Целая орава бойцов набросилась на них, только ждали приказа. Тимур и Хусейн даже не успели оглянуться, как оказались связанными по рукам и ногам. Связали и жен двух эмиров. Всех бросили друг к другу.

– Недостойно так поступать с женщинами, – сказал Тимур.

– Поучи меня, чужеземец, – ответил Али-бек.

Хусейн готов был взорваться и погубить их.

– Молчи, – зная вспыльчивый нрав друга, пробормотал Тимур.

– Я молчу, – процедил тот сквозь зубы. – Молчу...

– Перед тобой внучка великого Чингисхана, – кивнул Тимур на Сарай Мульк. – Развяжи хотя бы ее.

Жена Хусейна благодарно взглянула на него, но вслух гордо сказала:

– Я разделю участь своего мужа.

– Видишь, эмир Тимур? – усмехнулся Али-бек. – Она са-

ма хочет в темницу. – И тотчас переменялся в лице. – Ваш Чингисхан, будь проклято его имя, мне не указ. Я – туркмен.

Он и впрямь оказался туркменом и поэтому ненавидел тюрков. Али-бек разбил их компанию и посадил Тимура и его жену в один колодец, Хусейна и его супругу – в другой.

Каков был ужас Тимура и особенно его жены, когда они увидели, что пол под ними шевелится. Это были насекомые. В страшном каменном колодце Али-бек пытал своих врагов: выживут – не выживут. Никакие просьбы и посулы не тронули сердце Али-бека. Тимур просил об одном – чтобы его жена избежала этой участи, чтобы ее вытащили наверх. Просил во имя Аллаха. Умолял. Ответ был: нет! Живность было не перетоптать – она облепила все стены глубокого колодца. День тянулся за днем, по ним, ослабевшим, ползали кровососущие насекомые, дождавшиеся очередного пира; еды и питья почти не давали. И была темнота. Только днем они видели высокое синее окошко над головой, и ночью – осколок звездного неба. Такого притягательного, вожаденного и такого недостижимого...

– Мы тут умрем, – на пятый день сказала измученная жаждой, голодом и насекомыми Ульджай Туркан-ага.

Она плакала от отчаяния.

– Аллах всемогущ – он спасет нас, – твердил, как заклинание, Тимур. – Верь в это!

На десятый день его жена, искусанная с ног до головы, с зудящими ранами, потерявшая почти все силы, прошептала:

– Я хочу умереть, Тимур...

Он пытался укрепить ее словами, но тщетно. Больше всего он боялся, что рассудок ее помутится от этого испытания. Тимур с трудом прошептал ей слова шейха Шемса Ад-Дин Кулала:

– «Величие Господа Бога состоит в том, что тех, кого он выделяет из своей паствы, он же подвергает бесчисленным испытаниям. – Губы потрескались, во рту пересохло. – Прежде, чем кому-либо из своих рабов дать власть и счастье, он испытывает того несчастьями забот...»

– Я – не ты, Тимур, у меня нет столько сил, – в ответ прошептала она. – Бог, да простит он меня, переоценил мои силы.

Тимур понимал ее правоту. Испытание, которое он делил с любимой женой, превосходило все границы. Границы ее сил. Но что убивало больше всего, так это незнание будущего. Возможно, это была их казнь. Но особо изощренная, дикая, беспощадная. Сломанный по-монгольски хребет или рассечение туловища пополам в сравнении с этой пыткой – дар небес!

Через месяц он хотел умереть сам, потому что отчаяние охватило его в полной мере. Они обессилели от голода, им не хватало сил убивать ползающих по ним и жалящих насекомых. Они только сидели, вцепившись друг в друга, и ждали смерти. А как холодно было ночами! Они дрожали, но и дрожать нужны были силы. И они оставили их. Они походи-

ли на двух похороненных заживо мертвецов.

– Убей меня, Тимур, – в один из дней попросила едва слышным шепотом Ульджай Туркан-ага. – Я больше так не могу...

Прошло долгих полтора месяца, показавшихся им целой жизнью. В аду! И тут, словно пламень из домны, из него вырвался гнев.

– Люди – псы, все люди! – горячо прошептал он. – И проклятые язычники, и мои единоверцы, кто зовет себя мусульманами, – все они псы, – хрипло повторял Тимур, держа в ладонях ее лицо. – Все одинаково алчны и жестоки, все одинаково беспощадны. И глупы в своей жестокости и беспощадности, потому что не думают о возмездии! И все заслуживают только одного – плети. Это кто готов подчиниться. И острого клинка, кто не готов. Любить можно только верных тебе, готовых служить не за страх, а за совесть. Но кто замышляет против тебя, тот должен мучиться. Страшно мучиться. Я давно знал, что живет в их сердцах. Если бы я мог сейчас подняться и взять в руки меч, клянусь Аллахом, я бы вырезал столько людей, сколько бы смог. Десять, сотню, тысячу. Избавил бы землю от этой мерзости, расплотившейся против замысла Бога! Я могу снести побои и оскорбления, но я не прощу им того, что мучаешься ты. Никогда не прощу! И если я выживу, я буду убивать. Буду убивать, буду убивать, – горячо и страстно шептал он. – Беспощадно, жестоко, с радостью...

А у нее уже не было слез, чтобы плакать. Она просто вцепилась в него и ждала, ждала и молила Бога о смерти.

Возможно, именно тогда в Тимуре произошел тот перелом, превративший его из просто воинственного человека, эмира с большой дороги, вождя стаи, в страшного и беспощадного палача. Так случилось само собой, ведь он не верил в избавление. Он ждал смерти. Молил о ней. И он умер. Умер прежний Тимур-бек – веселый и жестокий воин. Практичный наемник, если надо – полководец могулов. Именно в том каменном мешке он возненавидел род человеческий. Тимур и раньше был свиреп и жесток, часто беспощаден, как и положено вождю племени.

Но более жизнь любого из живущих на земле не стоила для него и ломаного гроша.

Их отпустили через шестьдесят два дня. Вытащили из колодца две скорбные тени, неспособные держаться на ногах. Особенно жалкой и страшной была тень его жены – Ульджай Туркан. Она долго шурилась, не понимая, где оказалась. Что-то бормотала. Кожа их покрылась за эти дни язвами от укусов. Лица распухли. Их трудно было узнать. Точно такими же вытащили из другого колодца Хусейна и его жену. Оказывается, узнав, что Али-бек так встретил Тимура, на выручку поспешил Мухаммад-бек, его брат, человек совершенно другого нрава и куда более дальновидный. Увидев измученных пленников, вытянутых на свет божий, он тихо сказал Али-беку, злорадно оглядывающему четыре страш-

ные тени: «Ты совершил великую глупость, мой брат, и она еще аукнется нам!» Их выходили, откормили и с почестями и подарками отправили домой. Все эти дни, находясь в гостях у братьев, Тимур молчал, словно в том колодце потерял дар речи. Да никто и не приставал к нему и его жене с расспросами. Живы – и слава Аллаху.

2

Выйдя из плена, они с Хусейном разделились. Его товарищ так и не рискнул вернуться домой – он уехал с женой в Гармсир, что на реке Хирманд, на границе с Афганистаном. Дело в том, что родной Хусейну Балх тесно граничил с этой горной и неприветливой страной, куда кочевники-могулы и носа бы не сунули, а вот эмир Хусейн знал все афганские дороги с детства. «Если буду нужен, найдешь меня там», – сказал на прощание Хусейн. А Тимур вернулся в Кеш. Он временно остановился у своей любимой старшей сестры – Кутлук Туркан-аги. Она долго плакала, увидев брата и его жену в таком состоянии, а потом взялась лечить их. Она выхаживала их, как двух маленьких детей. Пока Тимура не было, его положение в Мавераннахре не просто ослабло, а почти сошло на нет. Могулы списали его со счетов. Ходили слухи, что он давно мертв. И тут вдруг появляется слушок, что он выжил и лежит дома, в Шахризабе, без сил. Как не добить раненого льва, если есть возможность? Ильяс Ходжа, прави-

тель Мавераннахра и сын хана Могулистана Туглук-Тимура, послал разыскать его. Когда-то Тимур унижил Ильяса Ходжу – выставил его из Мавераннахра, затем отец помирил их, сделал Тимура военачальником сына, но теперь у Ильяса был новый военачальник, послушный, и от прежнего, свободолюбивого бунтаря, можно и нужно было как можно скорее избавиться. Тимуру донесли, что за ним едут. Он собрался быстро, как воин, поцеловал жену, которая шла на поправку, и сестру, и ночью бежал из Кеша. Он знал, кто и где будет ждать его, – Хусейн на границе с Афганистаном. Туда же отправились и многие их ветераны-бахадуры, которым могулы были не рады.

Хусейн с радостью встретил друга.

– Недолго могулы кормили тебя с ласковой руки! – рассмехался он.

Он отчасти злорадствовал и не скрывал своих чувств.

– Когда придет срок, я откушу эту руку, – усмехнулся в ответ Тимур. – По локоть или по плечо. А еще лучше – вместе с головой.

– Вот это слова настоящего воина, – довольный, кивнул Хусейн.

Как же внезапно они уравнились в правах! Опять оказались вне закона – заговорщиками-беглецами. Но как-то нужно было жить вне родины. А кто они – воины! И стало быть, податься им в наемники. Другого пути просто не было. На них оказался большой спрос. Но как же далеко их од-

нажды занесло от родного Мавераннахра! На земли Ирана! Для большого дела их нанял даруга¹⁸ Сеистана: ему нужно было расправиться со своим врагом – эмиром Беккичиком. В письме были такие слова: «Уповаю надежду, что услышите мой крик». Войско наемников в тысячу человек прибыло в Сеистан.

– Как только мой враг будет устранен, драгоценностей и шелков дам вам столько, бахадуры, сколько нужно будет ради благодарности, и, пока жив, буду служить вам, – льстиво пообещал даруга.

Тимур и Хусейн встретили врага в поле и разбили его, но обещанные великие дары не получили. Лишь жалкую толику их. Двух командиров просто использовали. Сам даруга даже не вышел к ним.

– Нас поимели, как грязных девок, – долго рычал Хусейн, когда они покидали пределы своего нанимателя.

Воевать с даругой, сидевшим в мощной крепости, они не могли, и отомстить ему тоже. Он был подданным иранского шаха. Не воевать же им со всем Ираном?

Но это было только начало их приключений в далекой и чужой стране. Они потеряли немало людей, многие были ранены. Когда выехали из крепости и оказались в пустыне, их уже поджидали люди вероломного даруги. Сеистанцы нагло потребовали вернуть полученное добро. Это был вызов. Отдать даже то небольшое, что они получили такой дорогой це-

---

¹⁸ Даруга – военный комендант крепости, местный военачальник.

ной, значило бы оскорбить себя. Они ответили: нет. И тогда сеистанцы набросились на них, желая перебить наемников и вернуть добро. Собрав все оставшиеся силы, рассвирепевшие воины Тимура и Хусейна дали врагу отпор. Воины-бродяги сражались как звери и тем напугали предателей. Сеистанцы, потеряв многих убитыми, получили сполна и были рассеяны. Тимура нигде не оказалось. Его нашли под горой трупов. Он один сражался с двумя десятками сеистанцев, многих положил, но и его потрепало. Хусейн встал перед ним на колени, когда увидел поверженного товарища. Лицо его было залито кровью, шлем прорублен. Правая рука изувечена – разрублено плечо и, что еще хуже, вражеский меч отсек Тимуру два пальца на правой руке. Колено правой ноги было насквозь пробито стрелой. Его перевязали, чтобы не истек кровью, удалили из колена стрелу, напоили вином, чтобы потушить боль, и, плохо соображавшего, что с ним случилось, привязали к лошади. С поля боя они уходили быстро, прекрасно понимая, что преследователи скоро опомнятся и бросятся за ними в погоню.

Из тысячи их осталось не более сотни.

Они прошли большое расстояние, когда узнали, что их и впрямь преследуют. С ними решили покончить. В юрте бекка Тумана, отстоявшей от основной дороги, Хусейн оставил Тимура на волю божью, его нельзя было дальше тащить по пескам, а сам с отрядом ушел в сторону Баглана. Но не сеистанцы преследовали их. За ними по пятам шел бек Аджуни,

младший брат Беккичика, которого они, Тимур и Хусейн, разбили по приказу даруги Сеистана. Воистину, это был злой рок! У Баглана преследователи настигли беглецов. И вновь произошла битва. Из сотни у Хусейна осталось десять человек, с ними он и бежал с поля боя – куда глаза глядят.

Прямиком в пустыню. Лишь бы от смерти.

Хусейн скитался по пескам. Тимур приходил в себя от тяжелого ранения. Когда он очнулся, то обнаружил свою недвижимую правую руку крепко перебинтованной. Что-то было не так! Он сорвал левой рукой бинты, и сердце его остановилось. Не было двух пальцев – мизинца и безымянного. А ведь этой рукой он держал меч! Рядом не было никого – ни детей, ни женщин. Не перед кем было проявлять мужественность. Тимур первый раз в жизни заплакал. Ему было жаль своей руки! Он давился слезами, как ребенок. Как теперь он будет держать меч, сражаться? Но очень скоро он захрипел от гнева. А еще его терзала боль в ноге. Она стала словно деревянной. Колено переполнилось болью. Эту боль едва можно было терпеть. Он еще не знал, что его нога никогда не будет сгибаться, что его изувеченное колено будет ныть днем и ночью всю оставшуюся жизнь. И что на всю эту долгую жизнь он останется хромым, отчего весь мир, который будет вздрагивать при одном его имени, прозовет его Аксак Тимуром, или Тимурленгом – Железным Хромцом.

Все его тело переполнилось адовой мукой, но он должен был терпеть. Должен был!

– Я отомщу им, придет срок, и, клянусь Аллахом, я отомщу им всем, – горячо шептал он. – Я буду безжалостен к врагам, ко всем, кто лишь положит руку на меч и поднимет на меня глаза...

В юрту заглянул мальчик.

– Эмир Тимур очнулся! – крикнул он куда-то назад. – Та-та, Тимур-бек сорвал повязку!

Тимур смахнул слезы и собрался. Ничего! Звери от охотников получают и большее! Попав в капкан, зверь отгрызает себе лапу и выбирается на волю. Не так много потерял он – выживет! Только бы враги не пришли в эту юрту, где его приняли так тепло. Выходили, спасли ему жизнь. С друзьями он будет не просто милостив – он станет одаривать их так щедро, что и внуки будут помнить о его благодеяниях! Друзья в этом страшном мире – почти все.

Но сейчас... сейчас...

Только бы вернуть силы и сесть на коня!..

Глава третья

Триумф в Мавераннахре

1

Он поправил силы и сел на коня. Тимур хорошо владел и левой рукой в бою, но все же правую заменить было невозможно. Он заново учился сражаться, сжимать рукоять меча. Его ладонь была широкой и крепкой, ему было почти достаточно этого хвата даже с обрубками двух пальцев. Опытный кузнец заменил ему обычную рукоять меча на хитрую, для лучшего хвата.

Едва он крепко встал на ноги и вернулся в Мавераннахр, то, сколотив небольшое войско, сразу бросился в гущу междоусобиц. Ближайшие два года у Тимура были заняты непрерывной борьбой с беками Мавераннахры и с Могулистаном, правители которого просто не могли поверить в то, что их давний враг выжил. Как такое могло быть? Они уже похоронили его в песках Ирана или Туркмении. И вдруг он восстал из пепла! Но Тимур знал, как и почему он выжил, какой силой восстал: Аллах помогал ему! Бог встал на его сторону. Бил нещадно, ломал его, но помогал. И он вновь и вновь твердил как заклинание слова шейха Шемса Ад-Дин

Кулала, которого уже не было в живых: «Прежде, чем дать своему рабу власть и счастье, Он испытывает того несчастьями забот...» В эти же годы ушел из жизни и отец Тимура – Тарагай, всегда готовый помочь советом. Старые раны сделали свое дело. Что до Тимура, то он скрепя сердце учился терять близких. Это одна из самых сложных наук в жизни.

Терять и продолжать свой путь.

Они вновь сражались плечом к плечу – Тимур и Хусейн. На родной земле Мавераннахра они искали войска могулов, чтобы крепко ужалить их; могулы искали их, чтобы истребить. Схватки были частыми и кровопролитными. Могулов пришли многие тысячи, у Тимура и Хусейна было не более двух тысяч человек, верных и отважных бахадуров.

Два войска долго шли за холмами вдоль широкой реки, одного из притоков Амударьи. Впереди был древний каменный мост. Об этом знали все. Рано или поздно враг должен был перебраться на этот берег. Лазутчики передавали Тимуру, каково войско могулов. Один раз он и сам ходил в разведку, с ним был Хусейн. На рассвете они разглядывали тот берег и полчища вооруженных людей, едущих и топающих вдоль реки, растянувшихся на огромные расстояния.

– Да их тьма, – сказал его друг. – Могулы – адское племя!

– Верно, – согласился Тимур. – В лобовом столкновении отвага и доблесть нам пользы не принесут. Нужно что-то придумать, иначе они сомнут нас.

Как позже написал летописец об этом столкновении и ре-

шении Тимура: «Сахибкиран понимал: пока саблю отваги не отполировать смекалкой и хитростью, лицо победы не увидеть. Пока стрела смелости не будет выпущена из тетивы хитрости, не услышать звука победы».

Когда до моста оставалось не более одного йигача и наступила ночь, Тимур велел пятистам бахадурам уйти к ближайшим горам. Там, отложив мечи и луки, они бросились собирать хворост. В ближайшие часы разложили костры. И затаились. И когда той же ночью могулы подошли к мосту, а потом перешли его, невдалеке, в горах, вспыхнули тысячи костров, ярко озаривших ночь. По пять, а то и по десять костров на одного воина! Кто сколько успел собрать и зажечь! Сам же Тимур к тому времени ушел вдоль реки еще дальше и, где был брод, пересек ее и скрылся. Увидев тысячи костров, могулы решили отступить. В спешке двинулись назад по мосту. Они даже не предполагали, что у противника такие силы! Их строй совершенно разбился во время поспешного отступления, командиры на время потеряли свои отряды. А в темноте едва слышно к ним уже подкрадывалось войско противника на их же берегу. Тимур напал на многократно превосходившего врага неожиданно – ударил беспощадно, тотчас посеяв панику. Никто не ожидал такого нападения на безопасной стороне. Ведь войско Тимура хоть и огромное, судя по горевшим кострам, но оставалось там, за рекой, далеко в предгорьях! Как же они оказались здесь? Воины Мавераннахра вырезали воинов Могулистана безжа-

лостно и жадно – это была давняя месть за поруганную землю и унижения. Враги бежали кто куда. Многие командиры противника были убиты. Победа была полной. Воины Тимура и Хусейна преследовали неприятеля, а изобретательный полководец, остановив коня, сказал свои знаменитые слова:

– Поистине Аллах подкрепляет своей помощью того, кого пожелает. Если поддержкой будет сама милость божья, то любой враг обречен на унижение.

Одержав победу, они шли не куда-нибудь – отвоевывать родной Шахризаб. Зеленый город Кеш! Уже год, как там правили могулы. Тимур шел изгнать врага с родной земли, где он родился, а если можно, то истребить его. Об их победе с Хусейном уже летела вперед молва. Могулы, засевшие в Кеше, нервничали. А иные, кто боялся расплаты, трепетали. Еще недавно они хотели взять числом – не вышло. Поражение могулов на берегу Амударьи у древнего моста оказалось громом среди ясного неба. Для обеих сторон. По дороге к Тимуру и Хусейну присоединялись самые отважные беки со своими отрядами, кто не боялся возможной мести могулов. Желание избавиться от этих дикарей было куда сильнее. В Тимуре вдруг в который раз увидели спасителя родной земли.

Эмир Тимур приближался к Кешу, и глаза его горели все ярче. Он вновь что-то задумал, это видели все командиры, кто знал его прежде. С ним были все те же две тысячи воинов. Тех немногих, кого он потерял на реке, когда они устро-

или врагу резню, восполнили новобранцы.

До Кеша был один переход. На военном совете Тимур называл имена своих эмиров:

– Сайф ад-Дин-бек, Сулайман Барлас, Джаку Барлас, Бахрам Джелаир, Джалал ад-Дин Барлас, Йол Темур. Мне нужны лучшие из лучших, и я выбрал вас. Шестерых самых отважных и опытных бахадуров. Отберите каждый по пятьдесят человек, лучших наездников из моей армии, чтобы всего было триста. Сам я пойду с основным войском, а вам повелеваю сделать вот что...

Шахризаб, захваченный могулами, вздрогнул утром следующего дня. Ужас охватил даругу крепости и гарнизон. На горизонте стояла пыль до небес. Буквально! Горизонт сам приближался к ним. Так бывает, когда на тебя движется великое войско. Уже зная о том, как поступил Тимур с врагом у каменного моста, что никого не жалел, могулы затрепетали, а потом стали переглядываться.

– Сколько этому войску идти сюда? – спросил даруга у самого опытного офицера.

– Час, не более, мой господин, – ответил тот.

– Сколько их может быть? – спросил бледный как смерть даруга.

– Кажется, тут все воины Мавераннахра, которые могут удержать меч, – ответил его офицер. – Их десятки тысяч...

– Собирайте мою казну, – бросил даруга слугам. – Мы уходим!

Могулы убегали в такой спешке, что бросили все, кроме драгоценностей и самых красивых наложниц.

Вот что сказал накануне в своем шатре Тимур лучшим командирам своей армии:

– Вы разделитесь на шесть групп, Сайф ад-Дин будет за старшего. – Речь шла о трехстах избранных бахадурах и лучших наездниках. – И пусть каждый воин по обе стороны своего коня привяжет по большой охапке хвороста. Пусть этот хворост поднимет такую великую пыль, что тамошние даруги вздрогнут, увидев ее, а потом испугаются и убегут прочь.

Один из командиров не сдержался – рассмеялся услышанному:

– Неужели ты веришь, Тимур-бек, что это может получиться? Что пылью можно испугать врага?

– А вот мы скоро и увидим, – ответил Тимур. – Ждать недолго.

Хаджи Сайф ад-Дин, слушая товарища, кивал. Он-то верил в интуицию и дьявольскую изобретательность Тимура!

Его командиры все исполнили – и утром пыль встала от горизонта и заволокла солнце, и эта пыль стремительно приближалась к Шахризабу. Гарнизон был поспешно выведен, даруга бежал первым, за ним едва поспевали его вельможи и офицеры. Слуги неистово подгоняли лошадей, везущих кибитки с наложницами. В городе могулы никого не тронули, чтобы не было лишних причин мстить. А то, что месть Тимура будет страшна, могулы уже поняли.

И через пару часов армия Тимура беспрепятственно въехала в ворота родного города, не потеряв ни одного человека. Тимур сказал своим солдатам:

– Смотрите на божью милость, мои воины! Одними ко-
страми мы испугали противника и заставили его бежать на
наши клинки! Это ли не чудо? Обычный хворост, какой бро-
сают в огонь, чтобы согреться, оказал нам чудесную помощь,
заставил врага показать нам спины! Это ли не провидение
Господнее? Это ли не милость, оказанная Аллахом своим
верным рабам?

После освобождения Шахризаба авторитет Тимура взле-
тел выше небес. Это был триумф! Теперь многие в него ве-
рили так, как верят в пророков. Потому что ему и впрямь
удавались чудеса.

И только один человек все чаще смотрел на него с зата-
енной завистью – это был его друг и родственник эмир Ху-
сейн. Но пока это была только зависть – одного полководца
к другому.

2

И впрямь, Бог забирал у него, и забирал жестоко, и Бог
давал ему, и давал щедро. В четырех йигачах от Кеша вста-
ло войско могулов под предводительством Ильяса Ходжи.
Уловки Тимура уже были известны сыну хана Могулистана,
изучены и оценены его полководцами. Тимур дважды выста-

вил могулов невежами, дважды посмеялся над ними и разозлил их.

Больше они терпеть от него не желали.

– Сколько раз у отца была возможность схватить его! – цедил сквозь зубы разгневанный Ильяс Ходжа, окруженный свитой. – Пронзить мечом, стрелой! На охоте – кинжалом! Почему мой отец был так безрассуден и все время отпускал его? На что он наделся? Что зверь обернется ягненком?!

Ильяс Ходжа повзрослел. Его отец все чаще болел, и будущему хану выдавалась возможность самому принимать судьбоносные решения. Например, вступить в схватку с мятежным эмиром Тимуром и наконец-то разделаться с ним.

Вот как теперь, под Шахризабом. Правда, не все разделяли энтузиазм молодого хана. Авторитет Тимура вырос за эти годы. Ильяс Ходжа решил расправиться с изобретательным врагом раз и навсегда показательно – на его территории. Он знал, с каким восторгом встречают Тимура в Мавераннахре. Поэтому решил окружить город, любой ценой взять бунтаря, который сейчас прятался за стенами, истребить всех жителей напоказ и на глазах Тимура, а потом уже как-то по-особенному казнить и его самого.

– Я прикажу содрать с него живьем шкуру, – цедил он. – А потом уже прикончу его. Своими руками. Или брошу его, окровавленного, в огонь! Пусть корчится как ехидна!

Надо сказать, этого хотели все могулы. Они, кочевники, не любили своих городских оседлых соседей, презирали их.

Ильяс Ходжа уже готов был выступить на Шахризаб, но тут в его лагерь ворвались гонцы. Пролетев мимо сотен шатров, прыгнули со взмысленных коней, бухнулись перед молодым сыном хана на колени, уткнулись головой в землю.

– Говорите, – приказал Ильяс Ходжа.

Что-то важное случилось! Судьбоносное для него!

Старший гонец поднял голову, на его прокопченном узкоглазом лице отразилось страдание.

– Мой повелитель! Твой отец, наш хан Туглук-Тимур, мир его душе, ушел к праотцам!

Вот оно что! Он, Ильяс Ходжа, потомственный Чингизид, стал ханом всего Чагатайского улуса! Он плохо верил, что однажды это случится, но вот – случилось же! Теперь он один из четырех главных владык на земле. Один из четырех улусных ханов!

– Да благословит Аллах душу моего отца, – сказал он. – Встаньте и расскажите, что сейчас дома? Все ли спокойно?

Вестники из Могулистана сказали, что дома волнения и беспокойство. Один хан умер, другой где-то воюет. Это не дело!

Но Ильяс Ходжа и сам понимал, что ему надо срочно вернуться на родину и взойти на трон. Месть Тимуру разом ушла для молодого хана на второй план. Штурм Кеша был отложен. В тот же день Ильяс Ходжа во главе избранных гвардейцев помчался домой в Могулистан – становиться ханом Чагатайского улуса, принимать корону предков Чинги-

зидов.

Его войско благополучно отошло от Шахризаба.

В эти дни Тимур и Хусейн совершили паломничество к могиле шейха Шемса Ад-Дин Кулала, который умер не так давно и чью смерть Тимур переживал как смерть самого близкого родственника. Тимур просил у духа человека, которого так хорошо знал и который был ему нравственной опорой на протяжении всей жизни, поддержки и мудрого слова.

У его могилы Тимур вдруг сказал другу:

– Поклянись в верности и дружбе мне, и я сделаю то же самое.

– Зачем нам это? – удивился Хусейн. – Что за игры, Тимур?

– Это не игры, я хочу знать, что могу доверять тебе.

Хусейн если и замешкался, то не надолго. Они поклялись друг другу в верности и дружбе и заключили согласие.

– Воистину, – сказал тогда Тимур, – в согласии можно завоевать весь мир.

Но разве так поступают друзья, полностью доверяющие друг другу? Увы, нет. Но в такой клятве есть надежда, что можно избежать беды, не дать случиться худшему.

Все это время Тимур думал об одном – о решающей битве с Могулистаном. Уйти от нее было нельзя. До них дошли слухи, что новый хан Чагатайского улуса Ильяс Ходжа вернулся в свою армию, ждавшую его в Мавераннахре. Эти мысли терзали Тимура днем и ночью, тем более что воинов Маве-

раннахра, готовых противостоять могулам, было куда меньше. Жители городов Турана, или Междуречья, побаивались грозных и безжалостных кочевников-соседей. Вскоре Тимур увидел сон. Кто-то подошел и нашептал ему на ухо: «Не беспокойся ни о чем, Тимур. И пусть твое сердце возрадуется. Аллах великий дарит тебе победу!» Тимур проснулся, рывком сел в постели, позвал ближайших слуг и охрану и спросил:

– Вы говорили мне что-то на ухо только что? То, что я хотел бы услышать? Признавайтесь.

Те отрицательно замотали головами. И посмотрели на него с легкой опаской. Он был сам не свой. Словно одержимый. Тогда Тимур поблагодарил верных слуг и отпустил их. Он понял, что с ним говорило Провидение Господне.

Как зафиксировал летописец: «Ему стало ясно, что этот тайный голос был из потустороннего мира. Это был ветер предсказания из цветника Божьей милости». С этой новостью он отправился к Хусейну и разбудил друга.

– Нам нужно как можно скорее собрать войска и ударить по могулам. Аллах будет на нашей стороне!

И рассказал ему свой сон. Его рассказ вдохновил Хусейна. Тот хоть и смертельно завидовал своему товарищу, но сам постепенно уверовал в талант Тимура видеть события наперед и, извлекая из видений уроки, побеждать.

Уже на следующий день Тимур и Хусейн построили свои войска и вывели их на битву с могулами. С той стороны бы-

ло достаточно знатных эмиров и беков. Могулы превосходили их числом. Войско возглавил сам Ильяс Ходжа, который считал земли Мавераннахра своими навсегда. Затрубили рога, забили барабаны, два войска двинулись друг на друга.

Ни толики сомнения не было у Тимура в том, что он победит в этом бою. И его беки и его солдаты видели эту уверенность. В этом бою не было хитрых уловок и вероломных обманов. Сражались лоб в лоб. Должен был победить дух, а потом уже физическая сила. И победил дух Тимура. Его войска разбили превосходящего числом противника, многие беки Могулистана были убиты, многие попали в плен. Ильяс Ходжа еле унес ноги. Остатки могулов были рассеяны по округе. Недалеко от места боя Тимур устроил пир, а потом охоту для своих подданных. Охотился с соколом, гонялся на лошади за оленями и сайгаками. Никогда еще он не чувствовал себя так легко, как после этой битвы. Потому что сам Аллах помогал ему и оберегал его.

Если с ним был Бог, кто мог быть против него?

Он въехал в Самарканд истинным вождем своего племени, всех, рожденных в Мавераннахре. Его имя выкрикивали тысячи людей. Впереди у него было много триумфов, но этот был особенный – он освободил от захватчика родной край. Хотя бы на время. О чем думал Хусейн, ехавший рядом? Возможно, о том, что у него, внука эмира Казагана, недавнего правителя Мавераннахра, куда больше прав на этот триумф, как и на место вождя в своем государстве.

И все-таки почести отдавали Тимуру.

Проезжая по улицам Самарканда, Тимур понимал: могут не простят ему такого унижения. Соберут все силы и ударят. Ильяс Ходжа, только что ставший ханом Чагатайского улуса и получивший такую оплеуху от более слабого соседа, жизнь положит на отмщение.

Но он, Тимур, будет готов к новому удару.

Глава четвертая

Друзья и враги навеки

1

Удар могулов не заставил себя долго ждать. Ильяс Ходжа был унижен. Он вернулся в Мавераннахр с огромным войском. И впрямь – собрал всех своих кочевников с гигантских территорий Могулистана, которые простирались от Сырдарьи до истоков Иртыша.

Последующие события будут поистине судьбоносными для одних и роковыми для других исторических персонажей.

Летописец так цветисто и образно позже скажет об этих событиях:

«Господь всезнающий, Царь вселенной, прежде чем дать власть своему рабу, помучает его лишениями и несчастьями. А если Он сначала дарил ему удовольствия и наслаждения, то затем его подвергнет печали и неудачам. Одним словом, власть и счастье добываются трудом, а за лишениями последует честь. Эти слова относятся и к государю Сахибкирану».

Тимур и Хусейн встретили хана могулов во всеоружии. Битва состоялась в конце весны 1365 года между Ташкентом и Чиназом. Еще перед битвой хлынул проливной дождь, ка-

кого не было долгие годы. Потом говорили, что его вызвали шаманы могулов. Сами могулы, точно зная, что так и будет, развернули над головами плащи и, держа их часами перед битвой, сохранили свою одежду сухой. Так они оказались более легкими в бою. А чагатаи промокли насквозь и стали в броне еще тяжелее. Потом была долгая изнурительная схватка двух больших армий, растянувшихся на огромные расстояния. Пелена застлала небо, ливень взрывал глинистую почву. Землю в эти часы развезло до такой степени, что воины с обеих сторон не столько дрались между собой, сколько старались выстоять против непогоды. Копыта коней разъезжались, падали в лужи отважные бахадеры в стальных доспехах, поднимались и падали вновь. Грозные и свирепые, они походили на лягушек. Сражение вошло в историю как «Грязевая битва» и закончилось полным поражением Тимура и Хусейна.

Несомненно, что Тимур во сто крат был талантливее как полководец, чем его закадычный друг, большой гордец, который все больше походил на соперника. План Тимура был таков – напасть на Ильяса Ходжу, пока тот стоял один, и разделаться с ним. Он много раз посылал к Хусейну гонцов, просил о подкреплении, взывал послушать его совета, но тщетно. Гордыня и самонадеянность Хусейна были велики и во много раз превосходили его полководческие способности. Атака Тимура, решившего действовать в одиночку, была недостаточно сильна – не хватило живой силы. Затем

на помощь к хану Ильясу Ходже подошел его главнокомандующий эмир Шамсутдин с огромным войском. Армию Тимура и Хусейна рассекли надвое, зашли к ним в тыл и разбили наголову.

Сам Амир Тимур позже напишет о том событии тяжелые, но справедливые слова: «Для меня стало ясно, что двоевластие в военном деле крайне пагубно отражается на успехе военных предприятий и потому немыслимо».

Это был тактический провал – и Тимур его запомнит на всю жизнь. Тимур и Хусейн бежали с места битвы, как мальчишки, которые связались с более опытными драчунами. Каждый зацепил и остатки своего войска. «Гордыня! – твердил, как заклинание, Тимур. – Во всем виновата моя гордыня!» Настолько увериться, что Аллах с ним и что ему, смертному, нет преград! Глупец, самонадеянный глупец!

Но уходили они поодиночке. Тимур был бесконечно зол на Хусейна. Он бы набросился на него, окажись тот рядом. Кататься в луже грязи под сапогами могулов! Позор, позор! Тимур ушел в сторону Шахризаба, Хусейн в Балх. Спеси побавилось у обоих – тысячи своих воинов, веривших в них, они оставили умирать в той грязи. Остатки их войск были не столько подавлены физически, сколько морально. Ведь в тот день все чагатаи грезили победой и верили в своих вождей.

Но самым горьким было то, что они бросили Самарканд на произвол судьбы. Открыли к нему дорогу для проклятых могулов. Уходя прочь, Тимур только один раз оглянулся в

сторону брошенной столицы – сердце его обливалось кровью! Могло разорваться от гнева и горя. Ведь они даже не оставили в Самарканде гарнизона! Как он теперь, вернувшись в Шахризаб, возьмет на руки только что родившегося третьего сына – Мираншаха? Да он провалится со стыда!

Об этому думал Тимур, из-под ног которого в эти часы бегства предательски уходила земля.

2

И тут на первый план вышли сербедары. В переводе слово «сербедар» означало «висельник». Это были жители Мавераннахра, которые не желали ни при каких обстоятельствах мириться с властью Могулистана. «Лучше пусть нас повесят, чем мы станем рабами», – говорили они. Сербедарами могли быть мелкие беки-землевладельцы и простые воины, ученые и юные слушатели медресе, купцы и лавочники, ткачи и крестьяне. Всех объединяло одно – ненависть к могулам. И особенно к тем своим, кто принял власть захватчика, кто смирился с ними в роли хозяев. Только крупные аристократы и высокое духовенство Мавераннахра готовы были пойти на соглашение с могулами. Иначе говоря, сербедарами были многочисленные заговорщики и партизаны, ожидавшие своего часа как в Самарканде, так и за его пределами на всей территории Мавераннахра.

И вот их час настал. Два эмира, Тимур и Хусейн, потерпев

поражение, бросили столицу и ушли прочь. Из среды сербедаров сразу выделились два вождя – ученик медресе Маулин Заде и ткач Абу Бекр. Они собрали рядом с мечетью десять тысяч человек и спросили у жителей Самарканда, доверят ли те им свою жизнь. Самаркандцы сказали: да! Два вождя, не имея большого военного опыта, взялись за оборону столицы. И когда могулы подошли и окружили огромным числом Самарканд, уже намереваясь войти победителями в город, на них посыпался град камней и стрел. Ильяс Ходжа потерял две тысячи человек под стенами Самарканда и отступил. А потом среди могулов начался мор лошадей. Наказание Божие за жадность! Ничего не получив, ни одной монеты выкупа, могулы отступали побитыми как собаки. А сербедары, вдруг почувствовав свою власть, стали устанавливать свои порядки, в том числе пришлось нелегко тем, кто был не против, чтобы Могулистан вновь взял в Мавераннахре верх.

Весть о чудесном спасении Самарканда дошла до Тимура и Хусейна. То, что не сделали два отважных воина, сделали обычные горожане, по мнению воинов – сброд. Что и говорить – эмиры были злы. И на удачливых конкурентов, появившихся как из-под земли, и на себя, оказавшихся бессильными в этой ситуации. А зависть, как известно, рождает великую ненависть. Особенно лютовал в душе Хусейн, внук бывшего владыки Мавераннахра, презиравший горожан всеми силами своей аристократической души.

Им ничего не оставалось, как вновь объединить свои си-

лы. Они встретились на подходе к Самарканду и постарались сделать вид, что ничего не произошло.

– На все воля Аллаха, – сказал Тимур. – Если бы он не захотел, мы бы не проиграли в той битве.

– Согласен с тобой, – кивнул эмир Хусейн.

Но с этого дня они смотрели друг на друга совсем иначе, чем прежде. Тень недоверия и враждебности выросла между ними. Они пригласили к себе в лагерь вождей сербедаров.

– Мы ведь убьем их всех, так, Тимур? – спросил Хусейн у Тимура в походном шатре, с глазу на глаз. – Либо мы, либо они. Двум владыкам не бывать на одной земле. Никогда грязное отребье, вроде Абу Бекра, не сможет быть равным мне или тебе. – Его товарищ не говорил ни слова. – Ну же, ответь мне, не молчи, Тимур! Тут же все ясно как день! Мы должны действовать заодно.

Это был самый тяжелый выбор для Тимура до той поры. Сербедары спасли Самарканд и весь Мавераннахр, но кто их остановит теперь, когда они почувствовали свою власть? Он по себе знал это – никто. Только смерть может остановить бунтовщиков. Только смерть... Но простит ли ему Аллах это преступление?

Когда сербедары пришли на той – большой пир в свою честь! – к двум беглецам-эмирам, их, гордых и важных своей победой, накормили на том быстром пиру, а потом схватили и перебили всех прямо на глазах друг у друга. Вырезали как баранов. Кроме ученика медресе Маулина Заде. За него

лично заступился Тимур и выторговал его жизнь у Хусейна.

А разговор был накануне в том же походном шатре такой:

– Я могу убить ремесленника, но никогда моя рука не поднимется на священнослужителя, – предупредил товарища Тимур. – Слугу Аллаха!

– Все мы слуги Аллаха! – возразил ему Хусейн. – И ты убивал любого, вставшего у тебя на пути, и прежде.

– Нет, не все мы в одной мере слуги его. Шейхи – особая каста, она неприкосновенна. Маулин Заде, если будет на то Божья воля, может стать великим праведником, учителем, пророком, как и мой учитель – шейх Шемс Ад-Дин Кулаль. А вдруг такому суждено быть? – Глаза Хусейна, смотревшего на него, уже горели злобой, он только ждал слова. – Я не хочу лишать землю Мавераннахра возможного духовного учителя.

– Я никогда не понимал твоего пристрастия к шейхам! – взорвался Хусейн. – К этим богословам и мудрецам с четками! И особенно к твоему Шемсу Ад-Дин Кулалю, которого ты слушал так, словно он – новый Магомет! – в довесок прычал он.

– Не кощунствуй, мой друг, – покачал головой Тимур. – Не упоминай имя пророка всуе. И не оскверняй памяти моего учителя.

– Да нет уж! Хочу и скажу! Я помню, как он, этот Кулаль, владел твоим разумом! Ты словно бредил, когда приходил от него!

– Прошу тебя, Хусейн...

– Взгляни на себя со стороны, Тимур! – усмехнулся тот. – Разбойник, который по ночам грабит караваны, а утром бежит к шейху за душеспасительной беседой! Кто может быть еще более жалким? Даже не знаю! По мне – так надо было выбирать. Либо ты воин и все решаешь мечом, и ты счастлив и горд этим, либо – тварь, готовая только пресмыкаться. Как еще твой Кулаль не заставил тебя надеть паранджу!

– Прошу, если не хочешь, чтобы мы стали врагами, прекрати этот разговор, – повторил Тимур. – Иначе мне придется скрестить с тобой мечи.

Глаза Хусейна гневно сверкали непримиримой ненавистью и злобой, глаза Тимура глухо блестели испепеляющим огнем. Они не понимали друг друга. Возможно, не понимали друг друга никогда.

– Ладно, – гневно кивнул Хусейн. – Будь по-твоему. Забирай жизнь этого ученика медресе – Маулина Заде. Своего будущего пророка! – рассмеялся он. – Она твоя!

Именно тогда черная тень недоверия, уже давно прошедшая через отношения Тимура и его друга и родственника Хусейна, вдруг стала похожа на пропасть. Отныне она навсегда разделила их.

А потом была кровавая расправа над сербедарами, уж точно не заслужившими такой горькой судьбы.

Два эмира вернулись в Самарканд не просто победителями, но палачами. Теперь их не только уважали, но еще и

смертельно боялись. Они казнили спасителей Самарканда – да еще подлым обманом, во время пира. Что может быть хуже? Теперь на них смотрели с затаенным ужасом. Злодеи! Подобное наказание, если кто-то скажет им слово поперек, могло постичь любого жителя Мавераннахра.

Тимур чувствовал себя виноватым перед земляками, но не Хусейн. Он словно пытался довести ситуацию до края. Владычество Могулистана над Мавераннахром пало раз и навсегда. Ханы Чингизиды из соседнего царства отступили перед мощью Тимура и Хусейна. Свои, увидевшие расправу над сербедарами, в страхе затаились. Два эмира взяли власть в свои руки. Хусейн достиг желаемого – вернул землю своего деда.

Только на этой земле был еще и Тимур. Как было ужиться двум вождям на одной территории?

И вдруг Хусейн, получив власть, проявил чудовищную жадность и неблагодарность. Многие воины Тимура брали у него в долг, чтобы экипировать себя и свои отряды для борьбы с могулами, но многое потеряли во время Грязевой битвы, и вот Хусейн потребовал этот долг назад. Бекам и простым воинам расплачиваться было нечем – война истощила их запасы, опустошила их земли. Тимур расплатился за них. Он не понимал своего друга. И друга ли? А тот, вернув себе крепость Балх со всей провинцией, какой владел эмир Казаган, вдруг стал укреплять ее, словно готовился к войне. Тимура он всячески избегал. Их войско разделилось, словно

они отныне были противниками. Балх разрастался новыми стенами и башнями. В середине выросла грозная цитадель Хиндуван, сама по себе крепость. Эмир Казаган и мечтать не мог о таком оплоте! Туда свозили оружие и богатства. Но не от могулов он укреплял Балх. Тимур поздно вспомнил слова Хусейна, сказанные накануне расправы над сербедарами: «Двум владыкам не бывать на одной земле». Хусейн, считавший Мавераннахр своим по праву, готовился к этому давно.

Он возводил цитадель против своего друга юности – эмира Тимура...

3

В 1369 году войска Тимура стояли перед крепостью Балх. Они ждали решающего сражения с войсками Хусейна. Как до этого дошло? Несколько лет два вождя то ссорились, то мирились, то сражались друг против друга, когда отношения накалялись до предела, то бились с общими врагами, когда это было нужно.

И вот дело дошло до решающей битвы.

Два года назад из Мекки к Тимуру в Кеш пришел удивительный человек. Священный человек. Сейид и старший шериф Мекки. Один из ее земных охранителей. Потомок самого пророка. Его звали Сейид Барак. Он пришел с дарами – удивительными дарами. Такого подарка не ждал даже сам Тимур. Сейид Барак принес ему от всех шерифов Мекки ба-

рабан и знамя султанства – атрибуты шахиншахства.

Его слова пролились бальзамом на душу Тимура.

– Ты – великий правитель, – сказал с поклоном почтенный Сейид Барак. – Мекка видит в тебе это величие. И Мекка выбирает тебя предводителем всех мусульман земли. Прежние вожди не выдержали этой ноши. Теперь ты, хочешь или не хочешь, понесешь знамя Аллаха во все концы света. Но ты хочешь этого – я знаю. Мы знаем! И ты готов к этому. Скажи свое слово нам, потомкам, вечным охранителям города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.